

МАДАМ ВИЛЬКОРИ

БАБОЧКА НА БУЛАВОЧКЕ,
ИЛИ
БЛИНЧИК С НАЧИНКОЙ

Мадам Вилькори
Бабочка на булавочке,
или Блинчик с начинкой.
Любовно-иронический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25557515

ISBN 9785448562426

Аннотация

Бывает ли у любовного треугольника четвертая сторона? Что делать с сердечными ранами, когда личная жизнь – вдребезги, а вместо алых парусов – портянка?

Героиня романа Элина Сокольская по прозвищу Линчик-Блинчик верит, что чудеса сбываются, если, конечно, приложить к этому руки. С такой «летучей» фамилией и «прорывучим» характером – да падать?

Содержание

Часть первая	7
Исчадие ада в гречнево-угольном дыму, мухобойка как средство музыкального воспитания, блины с ваксой, замешанные на кодексе прелестей счастливого детства, гусеничка в ожидании крылышек	7
Ходячие переживания, родственные узы, долгоиграющие Карлсоны, хвеноменальная дикция и совершенствование морального облика	37
Сумасшедшие шкварки, бриллиантовые пальцы, марсианские комплексы, парижский шарм и дамский ажиотаж	60
Работа над ошибками, замороженные трусы, смертоносный борщ, просто Мария и римский папа	73
Математические катастрофы, шпионские страсти, шкворчащий Шопен и оживляж школьного антуража	83
Спасение красавицы от чудовища, противопожарная безопасность в пустыне Кара-Кум и вальс на трех сковородках	98
Ах, Элиза – шкатулка без сюрприза!	109

Искусство пудрить мозги, всадник без головы и твердокаменные пальчики как оружие массового поражения	
«Здравствуйте, мы ваши тети!» МАРАльные страдания, охотничьи трофеи, диета в чертежном тубусе	123
Академические светила, фактурная мускулатура и рояльная клавиатура, спортивное тортометание и любовные безумства скромного подорожника	135
День рождения как экстремальное событие. Да здравствует ЛЕНИНИЗМ! Сон в летнюю ночь, ожог крыльев – и жемчужины, не найденные в горстке пепла	153
Конец ознакомительного фрагмента.	154

**Бабочка на булавочке,
или Блинчик с начинкой
Любовно-
иронический роман**

Мадам Вилькори

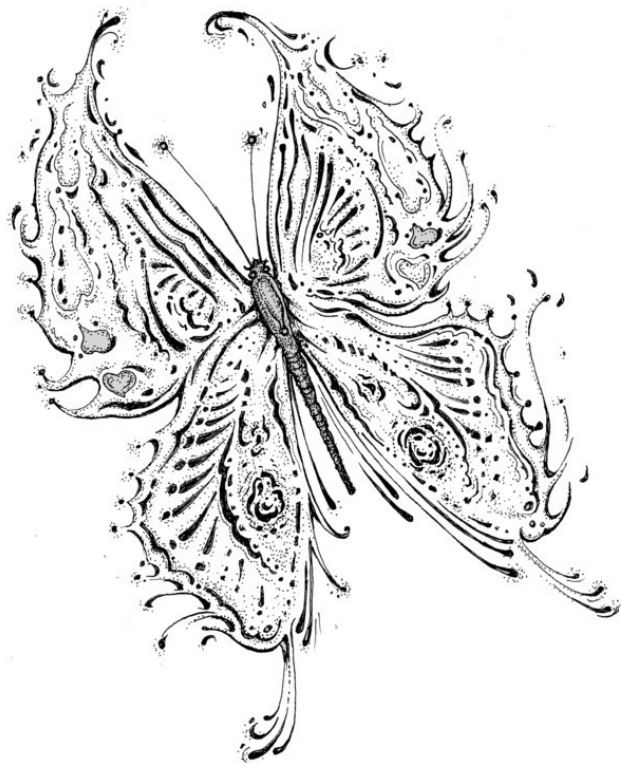
*«Не гоняйся за счастьем. Оно всегда находится
в тебе самом». (Пифагор)*

Художник-оформитель Эдуард Бреслер

© Мадам Вилькори, 2017

ISBN 978-5-4485-6242-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Исчадие ада в гречнево-угольном дыму, мухобойка как средство музыкального воспитания, блины с ваксой, замешанные на кодексе прелестей счастливого детства, гусеничка в ожидании крылышек

Когда мне было пять лет, мы играли в «войнушку» и, прыгивая на зонтиках с крыши старого сарая, высадили парашютный десант. Свернув «парашюты» в шпаги, мы загнали неприятелей в крапиву, но кто ж знал, что в крапиве – осиное гнездо? Р-растревож-женные осы ринулись в атаку! Спасаясь от осиных инъекций, я лихо перемахнула через забор и... повисла на нем, как каракатица. Огромный гвоздь цепко удерживал в плену мое оборочно-рюшечное платице, не предназначенное для воздушных десантов. И я...

Ах, зачем я написала: «повисла, как каракатица»? Сравнение с каракатицей никуда не годится. Напишу: «Повисла, как кукла Мальвина на гвозде Карабаса-Барабаса»! Настоящая дама в любом возрасте при любых обстоятельствах должна

выглядеть красиво.

Пока я барахталась на гвозде, природные очертания моих соратников приобрели аховый вид, хоть снимайся без грима в фильмах ужасов. Мамаши только по одежде признали своих чадушек в распухших до неузнаваемости, завывающих монстриках. Глаза – щелочки, уши – вареники, губы – сардельки. Пропорции – как из-под руки пьяного скульптора: сплошная асимметрия.

Все шишки посыпались на меня, на кого же еще? Во-первых, я была (да здравствует гвоздь) единственная уцелевшая, не ошпаренная крапивой и не ужаленная осами – на фоне багрово-сиреневых ошпаренно-ужаленных. Во-вторых, я дирижировала всеми дворовыми баталиями. В-третьих, в воздушном пространстве витало нечто непонятное – «порхатая» или «пархатая». По малолетству я не поняла, что это означает, но выражение не относилось к осам. Разве осы порхают? Под аккомпанемент воплей возмущенных мамаш я представила себя порхающей бабочкой.

Разбирательство сопровождалось ораторско-ругательными выражениями, самым деликатным из которых было мамино – «Исчадие ада». Пытаясь вникнуть, что это такое и с чем его едят, я представила соседку Аду Никифоровну Черновол, всю в густом дыму от гречневой каши, перепаленной в кастрюле до состояния антрацита. Гречнево-угольный чад, заблудившись в Адиной кудрявой голове, искал выход, трансформируясь в черные чадающие рога.

Да уж. «Исчадие ада». Видели бы вы мою фотографию в пять лет. Ясные очи, ангельский лик и оборочно-рющечное «мальвинистое» платьице. Но прозорливый сосед дядя Ваня, укоризненно качая головой, сказал: «Эта девица себя еще покажет!» С тех пор, уважая общественное мнение в лице дяди Вани и его жены Марьи Алексеевны, мама цитировала сию историческую фразу красной нитью во всех воспитательных моментах.

«Выражая себя, человек растет». (Н. К. Крупская)

Прав был сосед дядя Ваня, по фамилии Шпыгун. Учтывая, что «шпыгун» в переводе с украинского – «шпион», дядя Ваня наверняка знал больше, чем сказал. Просто так ничего не бывает. Все заложено в генах, а воспитание, по словам мамы, – борьба с генами. Если брать в расчет папины гены, ничего особо хорошего я показать не могла. Всю жизнь мама боролась с папиным авантюризмом и кипучим пофигизмом, но разве стихию обуздаешь тормозами? В моем подрастающем организме папины гены беспощадно искоренялись маминым воспитанием. Временами – успешно. Своим упорством мама напоминала дятла, который долбит дерево, очищая его от короедов. Из меня выдалбливалось все, что мама считала нужным выдолбить, и вдалбливалось все, что мама считала нужным вдолбить. Бороться с маминым прямым сильным клювом было так же безрассудно, как высказывать из поезда на большой скорости. Я чувствовала себя зашнурованной на все шнурки, застегнутой на все пуговицы

и знала на собственной шкуре, какво пуговице жить в петле.

Ребенок – постоянно на глазах, двадцать четыре часа в сутки, под неусыпным контролем! Записан в библиотеку, изморен-измочален-измытарен четырьмя кружками: кукольным, танцевальным, юных декламаторов и выжиганием по дереву. Плюс музыкальная школа.

Класс фортепиано вела музыкальная мучительница Флора Амбросьевна по прозвищу Трогательная Флора, при малейшей ошибке щепетильно лупившая меня по пальцам длинной деревянной линейкой. Это была в самом буквальном смысле учеба из-под палки. Как только я взлетала, наслаждаясь звуковой гармонией, так Трогательная Флора – бац! – выстреливала указаниями:

– Кисть – округляй! Держи кисть, как яблочко держишь! Мизинец – не оттопыривай! Локоть – выше-е-е! И раз, и два, и три! Куда локоть опустила? Не опускай локоть! И раз, и два... Куда кисть зажала?! Расслабь кисть! И раз... Не втягивай голову в плечи, ты не черепаха! Спина – р-р-ровная! Не горбаться, ты не верблюд!

Да уж. Под такие команды – на плацу маршировать. Чтобы спина была ровная, применялось музыкально-педагогическое средство – мухобойка. Резиновой частью мухобойки Трогательная Флора легонечко (дескать, я на страже) прогуливалась по моей спине, а сама громко топала ногой, так энергично отбивая ритм, что пыль вздымалась столбом. Пылинки кружились в лучах подглядывающего в окно солнца,

но ничего хорошего, кроме чопорной зануды Флоры Амбросьевны, солнцу разглядеть не удавалось.

После урока я шла домой. Огромная нотная папка с длинными тесемками волочилась за мной по лужам. Слезы смешивались с дождевыми каплями, комок стоял в горле, а на завтра – снова плестись по тому же маршруту, к той же Трогательной Флоре с той же деревянной линейкой, не говоря уже о мухобойке. А каторжно-ненавистное сольфеджио? Почему бы музыкальной мучительнице не простудить горло, не вывихнуть руку или не заболеть расстройством желудка? Я безнадежно сопротивлялась маминым стремлениям сделать из меня великую пианистку.

Однажды Трогательная Флора была не в настроении и уже на пятой минуте урока выставила в мой дневник гигантскую жирную единицу. Я принесла дневник домой, спрятала под пианино, чтобы попозже переправить на такую же гигантскую четверку, но во время этой секретной операции зацепилась рукавом за педаль. Попробуйте, стоя на четвереньках, быстро извлечь фортепианную педаль из рукава (или рукав из фортепианной педали) при звуке маминых шагов!

Другое дело – папин аккордеон. Тяжелый «Вельтмайстер» папа ставил на мои коленки. Чтобы сориентироваться, в какой октаве я нахожусь, приходилось выглядывать из-за этой громадины, высывая голову направо. Изгибаться буквой «Ю» – не по правилам классической осанки, но по-другому не получалось. Бархатные звуки аккордеона, растворяя

неприятности, на теплых ладонях уносили меня в страну Линляндию, мое царство-государство, где я – сама себе хозяйка и где меня никто не дергал за веревочки, как марионетку.

ИЗ КОДЕКСА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МАТЕРИ И РЕБЕНКА

- 1. Хороший ребенок должен слушаться маму беспрекословно.*
- 2. Не надо делать из мамы дуру.*
- 3. Мама всегда права.*
- 4. Хорошая мать максимально вникает в интересы ребенка.*
- 5. Хорошо воспитанный ребенок не причиняет хлопот родителям.*
- 6. Чем ребенок загруженнее, тем меньше он дает волю генам.*
- 7. Чем больше давить на ребенка, выжимая все соки, тем больше будет толка в будущем: толк выдавливается из ребенка, как сок из яблока.*
- 8. Твоя задача – учиться! Только получив хорошее образование, можно добиться цели!*
- 9. Тебе придется в пять раз больше трудиться, чтобы не оказаться за бортом жизни!*
- 10. И не забывай о пятой графе!*

Я, кажется, забыла представиться. Меня зовут Элина Сокольская. Папина летающая фамилия, имя – в честь актрисы Быстрицкой – эталона красоты всех времен и народов. «Линчик-Блинчик. Сюрприз с начинкой». Так называл меня папа. Мальчишки во дворе дразнились: «Плакса-вакса, гуталин, на носу – горячий блин!» Жутко страдая от блинно-гуталиновой тематики, я размазывала по щекам слезы вместо ваксы, требуя срочно поменять мне имя.

Папа уверял, что все на свете – ерунда по сравнению с мировой революцией. И по сравнению с убийственной дразнилкой про резиновую Зину, которую принесли в корзине из магазина. Бедная, бедная Зина!

Ха-ха-ха. На всякую чепуху обращать внимание? Нервов не хватит! Вскоре мальчишки, кричавшие про блин, были нейтрализованы вместе с зачинщицей Веркой Фесенковой по прозвищу Языкатая Феська.

– Еще раз услышу про блин с ваксой, не выйду на пострашилки, – набравшись храбрости, оскорбленно заявила я. – Сами себя устрашайте. А хотите обзывать, можете красиво кричать «Элина-балерина».

Кто ж откажется от пострашилок? Я обставляла страшные истории, как моноспектакли. О мертвой руке с роковым перстнем. О зловещем незнакомце, коварном душителе девушек. О фиолетовом тумане, из которого выплывали дрожащие призрачные тени *тех самых* задушенных девушек. Никакой халтуры! Полностью овладев аудиторией,

я на разные голоса с устрашающими модуляциями молюла об ужасающе ужасных ужасах. Меня несло по волнам фантазии. У слушателей шел дым из ушей плюс ночные кошмары с возможным энурезом. Прелестная картинка, радующая глаз взрослых: девочка из хорошей семьи рассказывает деткам сказки. Мозги деток взрывались, как попкорн на горячей сковородке.

Вещая о блуждающей перчатке, я нагнетала обстановку, применяя реквизит: незаметным движением руки роняла заранее припасенную папину кожаную перчатку и загробно-замогильным голосом *взвывала*:

– Вот она, черная перчатка. (Пауза). И откуда она взялась???

Рассудка можно лишиться! Уставившись на невесть откуда взявшуюся перчатку, все деревенели от напряжения и, намертво приклеившись к лавочке, боялись пошевелиться.

– Откуда этот запах? (Пауза). Пахнет покойником. Чувствуете?

Перчатка источала удушливый запах формалина (фокус-покус, ловкость рук и никакого мошенничества). Поглядывая на кота Таньки Дюндиковой, я прикидывала: может, сказать, что он – агент враждебных цивилизаций? Черный, одноглазый и выглядит, как сатана в котовом обличье. Телепатически учуяв направление моих мыслей, кот Циклоп умоляюще скосил единственный глаз: если мои бредни услышат коровы, они с перепугу перестанут давать молоко. Кто ж

тогда выдаст ценный продукт? Ладно, оставлю кота в покое. Кроме котов, есть еще собаки, которые воют. Главное, не снижать накала.

– Вы слышите, как воеет собака? Она предвещает силы зла. Посмотрите на звезды. Видите черные дыры? Когда звезда стораает, она превращается в черную дыру. Оттуда инопланетяне посылают электромагнитный сигнал.

Захотят услышать, услышат. Захотят увидеть, увидят. Теперь – финальный аккорд (главное, не сорвать голос):

– А вдруг инопланетяне ка-ак притянут нас межпланетным магнитом!!! И захватят в плен?! (Пауза). А вдруг прямо сейчас, сию минуту из черной дыры по недосмотру выпадет метеорит, шлепнется на землю, накроет нас с головой, и мы все коллективно погибнем?!

На небе крошечными бриллиантиками мерцали звезды, наглядно подтверждая всю эту чушь. Если была перчатка, почему не быть всему остальному?

Приговоренные к смерти пулей мчались по домам. Шизопевтический сеанс окончен. Спокойной ночи, дорогие малыши! Будете вести себя хорошо, завтра получите продолжение убийственных экспериментов на вашей психике. Постарайтесь не «наловить рыбки» в кровати. И забудьте навсегда обзывалку про блин с ваксой и гуталином!

«Трудовой процесс учит ребенка познавать самого себя, измерять свои собственные силы и способности».
(Н. К. Крупская)

Направляемая маминой железно-педагогической рукой, я росла примерной девочкой без вредных привычек-«короедов». Прилежно училась, активно участвовала в школьной самодеятельности. Думала о Родине больше, чем о себе. Усердно собирала макулатуру с металлоломом, вникая в задачи, поставленные перед молодежью. Благодаря моей наводке наш класс перевыполнил норму по сдаче вторичного сырья. Мы сдали на металлолом железную кровать дяди Вани Шпыгуна, без всякой (по нашему мнению), пользы ржавеющую во дворе. А поскольку под кроватью дядя Ваня складировал газеты «Правда», «Труд» и «Известия», то вместе с металлоломом (в виде дяди-ваниной кровати) мы сдали и макулатуру (в виде дяди-ваниных газет). Лишенный удовольствия перечитывать газеты на свежем воздухе, лежащая на кровати, дядя Ваня смирился с этой утратой.

Стране нужны были железо и бумага, а еще стране нужна была помощь в сельскохозяйственном труде. К моему глубочайшему сожалению, я ничем не могла помочь стране в сельскохозяйственном труде. Более того, меня нельзя было и близко подпускать к сельскохозяйственному труду! Я не вписывалась туда, как не вписывается астролыбия в акционерное общество любителей живой природы. Я не отличала полезные растения от сорняков, помидорные кусты от картофельных, свекольную ботву от кукурузной.

Однажды я, дитя асфальта, перепутала растительные культуры и выколола полтора километра огурцов. А все

потому, что инструктирующая нас колхозница, не поверив в мою сельскохозяйственную безграмотность, опрометчиво приказала:

– Чего стоишь? Не придуривайся. Поли давай.

На прополке, когда стройными рядами весь класс шел вперед бороться с сорняками, я, с трудом удерживая в музыкальных руках сельхозинвентарь, двигалась в обратном направлении. Задом наперед. По-другому, хоть убейте, не получалось. Может, отступая назад, я хотела видеть результаты своего труда? Может, опасалась наступить на эти самые результаты, чтобы не растоптать аграрную программу? Вот почему наши колхозы постоянно оставались без урожая.

У меня не с того места росли руки к сельскохозяйственному труду, так нужному Родине. Хотя, согласно анатомии, мои руки росли не с того места, о котором вы подумали, а с того, откуда надо. А откуда надо, написано в анатомии человека. Изучая анатомию, мы помогаем обществу: возможно, я хорошо бы управлялась с техникой в виде газонокосилки?

Все население бывшего СССР, включая врачей и учителей, профессионально-автоматически орудовало граблями, сапками, тяпками, поднаторев на прополках и субботниках. Все нормальные дети, выросшие в стране счастливого детства, хотели (или говорили, что хотят) стать космонавтами, передовыми доярками, артистами, врачами и учителями. Сельское хозяйство было важнее всего этого: врачи, учите-

ля, инженеры, – все помогали сельскому хозяйству. Я беспринципно мечтала работать на кондитерской фабрике контролером качества и есть конфеты, сколько захочу. Ах, пряничный домик с мармеладно-шоколадными ставнями! Такая мечта считалась неприличной. Со временем я научилась благоразумно помалкивать, заклеив рот воображаемым пластырем.

Дорогие дети, будущие взрослые! Если бы мечты молниеносно сбывались, к чему же тогда стремиться? Преодолевая преграды навстречу мечте, помните о непредсказуемых последствиях «сбычи мечт». Как у дедушки Ленина, который мечтательно твердил: «Мечты двигают прогресс. Величайшая мечта – социализм».

Иногда, устав от собственной непогрешимости, я позволяла папочкиным генам-короедам размяться, погулять по дереву: движение оживляет. С видом человека, всецело поглощенного уроками (учеба – главная цель в жизни, нет ничего главнее), я прижимала градусник к горячей лампочке от включенной настольной лампы. Температура на поджаренном градуснике взлетала, как прищипоренная лошадь. Аккуратненько сбив ее (температуру, а не лошадь) до 37.3, я предъявляла градусник маме.

Главное – не испортить кадр. Я делала лицо, как у тети Мары, которая вся такая больная, хваталась за горло для пущей достоверности и, обреченно шмыгая носом, гундосила:

– У беда дасборг. Я дебдожко больдая.

Срабатывало безотказно. Больной ребенок – на особом положении. Мама бросала свой менторский тон, становилась живой и мчалась на кухню взбивать гоголь-моголь, проронив магически-категорическое:

– Ты – не немножко больная. Ты хорошо больная. В школу ты, конечно, не пойдешь!

Кто ж станет возражать? Никаких возражений. Если от школы периодически не отдыхать (особенно перед контрольной по математике), можно поехать крышей. Я повиновалась беспрекословно! Шея ребенка обвязывалась теплым шарфом. Ребенку выдавалась внушительная порция гоголя-моголя. Расстроенная мама шла на работу, а бедный больной ребенок со здоровым интересом извлекал хорошую книгу потолще.

Я обожала не ходить в школу. Училась я хорошо, но математика... С математикой у нас была взаимная *невзлюбовь*, но об этом – потом.

«Сложивши крылья, трудно лететь и самому орлу».

(Г. Сковорода)

И почему я не красавица, как Быстрицкая? Вот бы стать роскошной принцессой с огромными, в пол-лица, глазами, с длинными златокудрыми волосами. И без прыщей на лбу... Стоп! Мечтая, важно не переборщить. Глаза в пол-лица – явный перебор. Вдруг выпадут, не удержавшись в глазницах, да шлепнутся оземь, как тот метеорит?! У меня и свои гла-

за ничего. И волосы тоже. Изучая в зеркале очередной гигантский прыщ, я терпеливо ждала, когда из гусеничной серости выпорхнет прекрасная бабочка. Тогда все мальчишки, сраженные моей дивной красотой, сдохнут от любви, укладываясь штабелями у моих ног. И среди них – Он.

Вот я иду, вся такая сногшибательная. А он... А я... Маня грандиозно! Умереть – не встать! Витька Петриченко падал – уж точно! Учитывая моду на девушек крепких и увесистых, Витькин безупречный вкус опережал время. Моя стройность граничила с бестелесностью, но Витьке нравилось во мне все, даже мои тонкие ноги. Он сказал, что это самые красивые ноги во всей школе.

Ха-ха. Элина-балерина с ногами, созданными для балетного прыжка. Из-за стелек от плоскостопия носила обувь на два размера больше и с ножками-макарошками выглядела, как лыжник перед стартом. Чтобы нижние конечности казались толще, применялся патент: ноги, экипированные в две пары гольфов или колгот, выглядят вполне прилично. Лучше, чем кривые ножки Таньки Дюндиковой из «Б» класса.

– Хватит вертеться перед зеркалом! Там нет ничего хорошего. Человека красит не внешность, а его душа и поступки. Иди есть вареники с картошкой и со сметаной! Все соседи говорят, что ты худая.

Как всегда, мама прервала меня на самом интересном месте. Я спустилась с заоблачных высот, сбитая на лету палкой.

Внизу по зеленой траве бегали сибирские пельмени, гоняясь за варениками с картошкой, как собаки – за зайцами. Поедая вареники с картошкой, я спасала их от сибирских пельменей, себя – от худобы, а маму – от осуждения соседей.

У мамы были постоянные критические дни, но не в плане природы. Мамина кобура никогда не пустовала, курок – на взводе. Снайперской критике подвергалось все, что бы я ни сделала. Я так привыкла к этим обстрелам, что мамо-критика отлетала, как горох от стенки. Быть мамо-копией не хотелось, быть, как все, – тоже. У меня начисто отсутствовал стадный инстинкт.

Трудно шагать в ногу, но еще труднее – выбиваться из общего строя. К чему завидовать школьным красавицам, если мама не разрешала щипать брови, а на всех переменках главной технической принадлежностью был рейсфедер для выщипывания бровей в ниточку? Пока занимались бровями, успевали обсудить три улицы, наряды, кавалеров, кто – с кем, кто – кому, кто – у кого и кто – против кого. Сплетни были скучные, как хозяйственное мыло. Все выглядели, как из инкубатора: одинаковая одежда по стандартной моде, одинаковые, как под копирку, прически. Единый сплоченный коллектив.

Окутывая девчонок шлейфом из табачного дыма пополам с перегаром, парубки выдавали дамам штампованные комплименты, приправленные матом. Самым оригинальным

был главный сердцеед, второгодник Пашка Духопел из десятого «Б» с галантными остротами типа «Ой, держите меня четверо». Когда его избранница Зойка Черновол, прихорашиваясь перед свиданием, выглядывала из окна, Пашка романтично взывал на весь двор в предвкушении встречи:

– Зойчик! Выпрями брови, гладь шнурки и шевели гамашами!

Чем не серенада? Приблизившись к Пашке, Зойка получила игривый шлепок по месту, прикрытому мини-юбкой, и загадочный полукомплимент:

– Куда тебе, карамельке, в леденцовые ряды.

У каждой девочки была тетрадь пожеланий с красивыми картинками, вырезанными из журнала «Советский экран». «Что пожелать тебе, не знаю, ты только начинаешь жить. Я от души тебе желаю с хорошим мальчиком дружить». Все сдирали друг у друга тексты, все желали друг другу сибирского здоровья, кавказского долголетия, индийской любви и цыганского веселья. Тетрадки были похожи, как близнецы, а поскольку пожелания писались «на память», то и память у всех была одинаковая.

Никто не жаловался. Все были довольны. У самых избранных разживались «на вечер» красочным заграничным каталогом всяких замечательных товаров. Мечтательно разглядывая чудо-красоту, Зойка Черновол выдавала комментарии:

– Эти розовые занавесочки я повешу в спальне, это ро-

зовенькое покрывалко постелю на кровать. Одну вот этот офигенный розовый лифчик «Маркиза» (высший шик, без бретелек), вот эти обалденные гипюровенькие розовенькие трусики, вот эти ажурные черные чулочки, сверху накину вот этот прозраченький халатик с перламутровенькими пуговичками! И обую вот эти отпадные розовые тапочки с меховыми помпончиками! Придет мой викинг Пашка Духопел, расстегнет на моем халатике перламутровые пуговички... Представляешь?!

Я представила. Розовая Зойка в прозрачном халатике, как подкрашенная анилиновой краской сарделька в целлофане, а викинг Пашка Духопел, вооруженный то ли вилкой, то ли вилами, пытается осилить это блюдо.

Жуть. Какая может быть романтика, если в башке у двоечника Пашки Духопела – замедленный мозговой метаболизм? Если он (Пашка, а не метаболизм) на уроках выдавливает из себя слова, как зубную пасту из тюбика, и мямлит, будто зубную щетку жует?! Впрочем, Духопел только у школьной доски выглядел, как пускающий пузыри утопленник, а по части «стырить-загнать» соображал молниеносно и был способен продать утопающему воду.

«Где нет общности интересов, там не может быть единства целей, не говоря о единстве действий». (Ф. Энгельс)

У школьных красавиц имелись свои понятия о романтической любви, у меня – свои. Красавчик Пашка считал-

ся секс-символом благодаря сходству с Юрой Шатуновым из «Ласкового мая», а красавица Зойка – секс-символшей благодаря сходству с Памелой Андерсон. Поэтому Зойкины подружки пытались отбить у Зойки – Пашку, а Пашкины друзья пытались отбить у Пашки – Зойку. Зойка устраивала сцены ревности Пашке и подружкам. Пашка клялся Зойке в верности, для остротки горячо реагируя руками. Поостыв, самокритично признавался: «Я не подарок, но и ты не именинница».

Когда разгул гормонов, разум отступает. Синяки тонно маскировались толстым слоем тонального крема, любовь разгоралась с новой силой. Впечатлений – выше крыши! Бьет? Значит, ревнует. Ревнует? Значит, любит. Анти-жизнь.

Такая романтика меня не прельщала. Мне не светил переход, по словам Ленина, «от действий одиночек к действиям масс». И не потому, что меня не принимали. Я не хотела быть принятой и притворяться, что мне близки скучные интересы коллектива, где выделяться – некрасиво, где один человек – никто, коллектив – всё, а буква «я» – самая последняя в алфавите. Зачем подстраиваться под всех? Водить хороводы под сарафанное радио? Я не любила, когда из меня образовывали круг. Быть вне коллективной суеты – роскошь, которую не каждый себе позволяет и которую не каждый понимает.

Моя лучшая подружка Лида Гончаренко понимала. У нас

была общность интересов, но если бы наши разговоры подслушал коллектив, он покрутил бы пальцем у виска. Мы с Лидой ревностно относились к личному пространству. Зачем тратить время на пустую бабскую трескотню? Ядовито хихикая, мы наваяли детективный рассказ под названием «Роковая любовь шпиона Хантера». Сия «нетленка», отпечатанная на папиной пишущей машинке двумя шестнадцатилетними школьницами, была отправлена в редакцию журнала под псевдонимом Артур Тюнтиков-Тюкавский.

Редакция любезно ответила: «Уважаемый Артур! Мы отдаем предпочтение рассказам на местном материале». Тогда при нашем содействии даровито-плодовитый Артур Тюнтиков-Тюкавский наклепал новую нетленку под названием «Роковая любовь шпиона Хантера и Аполлинарии Филимоновой». Скрупулезная редакция на полном серьезе предложила автору приблизиться к жизни простого народа.

Нет проблем. Под нашим чутким руководством Тюнтиков-Тюкавский переименовал рассказ «Роковая любовь бывшего шпиона, ныне – *сталевара Хантера и колхозницы Аполлинарии Филимоновой*». Куда уж народнее! Однако новый шедевр о роковой любви не вышел из-под нашего пера по техническим причинам. Перо не повиновалось, сотрясаясь от смеха вместе с нашими организмами! Как можно осуществлять литературный процесс в такой обстановке?

Наплевав на несостоявшуюся карьеру Артура Тюнтикова-Тюкавского, мы с Лидой перешли к киногероям повы-

шенной романтичности. На фильмы с Аленом Делоном и Антонио Бандерасом Лида шла, как на свидание. Я, группа поддержки, ходила за компанию. Количество киносвиданий зашкаливало пределы разумного, но надо же поддержать подругу! Не в силах определиться, кто из красавцев нравиться больше, Лида повесила на стенку в своей комнате обоих. Наглядно демонстрируя виртуальные преимущества над земной реальностью, красавцы радовали глаз, не подозревая о Лидином существовании. Увы, Алены Делоны с Антонио Бандерасами не валяются на дороге, как Зойкин Пашка после обмывки мотоцикла. Они летают журавлями в недостижимо-высоком голливудском небе, а синица – не всегда годится.

Мальчишки были такие обыкновенные, а во всех фильмах киношные мальчики (в промежутках между подвигами!) носили киношным девочкам портфели. Ну, кто из мальчишек понес бы мой портфель? Во всей округе не нашлось бы такого добровольца. Правда, однажды мальчишки торжественно пронесли меня на носилках по всему школьному двору. Вместе с портфелем. На занятиях санитарной дружины, накануне диктанта по русскому языку: речь шла не о пылкости чувств и желании сдуть пылинки, а о желании сдуть диктант.

Впрочем, Витька бы нес и меня, и портфель, только кто же ему даст? Витька был всегда.

Я была объектом Витькиной любви с детского сада. Под

бдительным взором воспитательницы Ираиды Максимовны, между играми в «ручеек» и «третий лишний», мы умудрились договориться о планах на совместное светлое будущее. Предусмотрели все. Когда вырастем, поженимся. У нас будет двое детей – мальчик Валера и девочка Зина. Будем любить друг друга до гробовой доски, никогда не расстанемся...

В детском саду все шло по задуманному. Мы с Витькой прекрасно ладили, даже вывели новую породу жареных рыб в подарок на день рождения Витькиной маме. Ожидая гостей, именинница купила ведро небольших «ладошечных» карасиков, почистила-пожарила, красиво разложила в глубокой миске и поставила в летней кухне.

Витька не терпел речную рыбу из-за множества костей, я вообще питалась одним воздухом, но хвостики и плавники – другое дело! Карасёвая пирамида привлекла мое внимание:

– Вить, а ты знаешь, какие вкусные у рыбок плавники и хвостики? Хрумчат, как сухарики! Попробуй, класс!

Витька попробовал. Одну, вторую, третью...

– И правда, здорово! Ну, давай еще по одной, и все, а то мамка заругает. Она на расправу скорая!

– Вить, а чего ей ругаться? Мы их на самый низ положим, она и не заметит.

Мы с хрустом и с превеликим удовольствием избавляли рыбок от хвостиков и плавников. Обгрызенные рыбешки перекочевывали вниз, сверху – целенькие, хвостато-плавниковые. Шикарная композиция!

Моя еврейская голова предприимчиво выдала новое предложение:

– Слушай, Вить, абсолютно незаметно, как так и надо! А давай *все* хвостики съедим? Пускай рыбешечки будут одинаковые, овальненькие. Гости подумают, что это – особая порода рыб, а? Бесплавниковая и бесхвостая! Но прежде, чем подумать, гости напьются, потом начнут песни петь. И никто не догадается...

Эффект от новой породы получился со счастьем на место, которое величают мягким. Дедушка говорил: «С нахесом тухеса». За «нахес тухеса» – счастье мягкого места – тоже борются, как за правое дело, но наши старания недооценили. От новой бесплавниково-бесхвостой породы ни гости, ни Витькина мамаша, ни Витькин папаша не пришли в восторг. Витьке досталось, как всегда. Его надранные уши, увеличенные вдвое, пылали, как пионерские галстуки. В ход пошел даже шланг от стиральной машины, применявшийся Витькиными пролетарскими родителями как средство воспитания. Я чинно ходила с бело-розовыми ушками. Моя репутация в глазах Витькиных родителей оставалась стерильно-незапятнанной. Считалось, что девочка из интеллигентной семьи благотворно влияет на их оболтуса, хотя все «шкодные» идеи шли от меня.

Мое влияние на Витьку было безгранично. Кроме меня, Витька не слушался никого: ни родителей, ни соседей, ни воспитательницу, за что получал по полной программе. Все,

что я выдавала на-гора, воспринималось на ура. Кто, как не я, додумался вытащить механизм из игрушки «Заяц-барabanщик», обшить его мехом (из дедушкиной шапки) и приклеить резиновый хвост, отрезанный от розовой бабушкиной грелки? Получилась крыса-робот. Деятельный Витька – как-ак хватать наше техническое достижение за хвост! И тете Маре – под нос. Крыса затряслась, как эпилептик, и загремела. Тетя Мара затряслась и заревела. На вопли прибежала дочь дяди Вани Шпыгуна Катя по прозвищу Радистка Кэт и шандарахнула ее (механическую крысу, а не тетю Мару) сковородкой.

У дедушки появилась новая шапка, у бабушки – новая грелка, у Радистки Кэт – новая сковородка, у тети Мары – новая головная боль.

Кто, как не я, научил Витьку набрызгать тети-марину валерьянку на тети-марины шторы? Боже, как вдохновенно скакал по шторам дюндиковский одноглазый черный кот Циклоп, развывая омерзительнейшие кошачьи арии! Как пронзительно визжала тетя Мара... Как резво гонялся за котом дядя Ньюма... Как за пределами цензурной лексики осатанело орали Дюндиковы, отказываясь возместить причиненный ущерб!

У тети Мары появились котобоязнь (по-научному – «котофобия»), новые шторы и новая аптечка для лекарств, с ключом на дверце.

Кругом кишат кошмары, разве современных детей можно

воспитать?!

Мы с Витькой были – неразлей-вода. В результате взаимообогащения то ли я его сбила с толку, то ли он наставил меня на путь истинный... В общем, в школе мы поменялись ролями: Витька стал любителем острых ощущений, курил, дрался, хамил учителям, а я из зловредной подстрекательницы стала образцово-показательной девочкой и передумала связывать жизнь с хулиганом и двоечником.

Витькины планы на совместное светлое будущее остались неизменными. Когда мы перешли из первого класса во второй, Витька в знак расположения крепко треснул меня пятерней по спине и сказал:

– Давай сюда портфель!

В портфеле были учебники, сделанные на переменках домашние задания и купленный в школьном буфете пирожок с капустой. Я не спешила расставаться с портфелем.

Витька уточнил:

– Давай портфель! Понесу!

Я вспыхнула, как зажигалка:

– Еще чего? Сама понесу! Своими собственными руками! Я что, сама не могу? А ты... Тоже мне, носильщик нашелся!

Я охраняла портфель, как зеницу ока, за что схлопотала подножку и выстрел из рогатки бумажным шариком в косичку.

В четвертом классе Витька продолжил воплощать наш

детсадовский проект в жизнь. Написал записку: «Давай дружить».

– Балда! Мы же и так дружим. Почти с рождения. Склероз, что ли? – удивилась я.

– Нет, не так дружить... – зашептал, наклоняясь через ряд, Витька. – Ходить в кино...

– Ну, ты даешь! – Я сделала вид, что не понимаю, к чему он клонит. И ехидно добавила:

– Мы и так ходим в кино. Культпоходом! Вчера всем классом ходили, забыл?

– Нет, Линчик, это совсем другое. Я буду о тебе заботиться...

– Обо мне заботятся мама и папа! Я не сирота! – резонно ответила я. – А сколько у меня заботливых тетушек, тебе и не снилось! Хочешь, подарю половину?

– Буду тебя защищать, – терпеливо втолкмачивал Витька.

– Еще чего, защищать! Кто ко мне полезет?! Я сама, кого хочешь, отлуплю, если допрыгну!

Я все прекрасно понимала. А делала вид, что нет.

Витька отстал. На время. И стал доказывать крутизну и взрослость. Самоутверждаясь по своим мальчишеским понятиям, заимел парочку приводов в детскую комнату милиции и славу будущего бандита с большой дороги.

В восьмом классе, когда девочки вовсю интересуются мальчиками, а мальчики – девочками, Витька в очередной раз (надо же, какой упорный) осведомился:

– Ну, как? Надумала со мной ходить?

– Ха-ха-ха! Даже не надейся! По тебе тюрьма плачет! – прямолинейно заявила я. – Ты будешь в тюрьге сидеть, а я тебе туда – передачи носить?!

Витька снова отстал, но применил другую тактику. С любым мальчиком, маячившим рядом со мной в радиусе ближе одного метра, проводилась разъяснительная работа, после чего мальчики либо соблюдали установленную Витькой дистанцию, либо растворялись бесследно. Особо непонятливые получали в глаз. Какие там дуэли? Увесистый кулак – лучший аргумент. У Витьки разговор короткий, вместо рапиры – оглоблей по кумполу!

Вокруг меня образовался вакуум. Мальчики держались подальше, не желая связываться с Витькой. На всех школьных вечерах я о-о-чень старательно, зато независимо, подпирала стенку. Отличное времяпрепровождение для юной девушки. А Витька, вымахавший в широкоплечего длинноногого верзилу, играл на гитаре в школьном вокально-инструментальном ансамбле и прямо со сцены зорко бдил.

– Или я – или никто! – это был ультиматум.

Даже на выпускном вечере ни один мальчик не осмелился меня пригласить, кроме молодого учителя математики Михаила Марковича, но так как с математиком хотели танцевать все выпускницы, стенка охранялась мною добросовестно, как всегда.

Мы со стенкой были в полном порядке. Это вполне устра-

ивало и Витьку, и мою маму, и молодого учителя математики Михаила Марковича.

Демонстрируя равнодушие к делам сердечным, я отодвигала в сторону любовные романы, «непонятно» как затесавшиеся среди учебников, а на видное место выкладывала книги основоположников как настольные. Учеба – превыше личной жизни! Будучи преподавателем истории и обществоведения, мама благосклонно приветствовала мое увлечение основоположниками, пока не разобрала, что я перекручиваю на свой лад изречения мудрейших. Выкапывая эту дидактику, я угорала от ее дидактичности. Особенно меня вдохновлял Ф. Дзержинский: «Дети – это будущее! Они должны быть сильны духом и сызмальства приучаться к жизни».

Моя политическая нестабильность вызывала подозрение с раннего детства. Когда детсадовцы, построившись парами, шли гулять в парк к памятнику Ленину, я на вопрос воспитательницы Ираиды Максимовны «Дети! Кто это?», – ответила: «Вы что, не знаете, кто это? Это же мой дедушка Арон. У него – такая же кепка!» Не сумев переубедить меня, Ираида Максимовна оглядела окрестности, нервно перекрестилась и стала выгуливать нас на площади Свободы. Со временем я поняла, что дедушка Арон по сравнению с дедушкой Лениным – Аллен Делон, но как сказать об этом вслух?

После детского сада была школа. В первом классе я, матерая антисоветчица, проглотила букву «т» в слове «стра-

на», и вместо «Моя любимая страна» – написала: «Моя любимая страна». Хорошо, что время было другое, могла бы и по политической статье загреметь. А ну ее, эту политику. Чем больше пытаешься разобраться, тем больше запутываешься. Главное, не повторять ошибок прошлого и помнить, банты какого цвета вплетают в волосы к торжественным датам. 22 апреля мне пришло в голову повязать коричневые атласные бантики вместо белых капроновых, и этот элегантный цвет означал траур: покушение на жизнь того, кто живет всех живых. Похоронить вождя мировой революции в День Его Рождения!

Голову сломаешь, пока надумаешь, что, когда и кому сказать, чтобы не попасть впросак. Если учительница в школе спрашивает: «Дети, какое радостное событие нас ждет на следующей неделе?» – нужно отвечать: «Нас ждет радостное событие – выборы в Верховный Совет», а не «Нас ждет радостное событие – классный фильм «Три орешка для Золушки». Почему не сказать правду? Правильный и честный ответ: «Самое радостное событие – эпидемия гриппа, а еще лучше – холеры, чтобы все завидовали!»

Дабы не нервировать маму и педагогов, я удалилась от политики подальше, зато придумала сказку о бабочках, где было все, как у людей.

«Бабочки были свободными, как птицы. Они порхали с цветка на цветок, взлетая высоко в небо. Их легкие кры-

последние новости. Они не знали, идти или не идти на день рождения к мухе Цокотухе. Муха никому не нравилась. После сказки Чуковского – зазналась, развелась с комаром и, обзывая его кровопийцей, назойливо сплетничала, доказывая свою значимость для общества.

Неумолимые осы без-з-ж-жалостно заж-жисмали права пчелиных собратьев:

– З-законы Большого Луга – важ-жны, а кто не будет соблюдать, того з-затравить, застыдить, з-запретить, з-застращать, з-заклеймить, з-замуровать в кокон!

Осиную партийно-профсоюзную мафию поддерживали луговые разбойники-шмели, рэкетир-трутни и бандиты-шершни, состоящие в правящей партии и понимающе поднимающие друг друга. Золотистые трудяги-пчелы из всех сил делали сладкую жизнь, но кажется ли она медом?

Лысые скользкие червяки презрительно поглядывали на лохмато-пушистых гусениц, считая себя самыми умными, самыми красивыми и самыми мужественными на всем Большом Лугу, а наша Гусеничка, почесывая спинку в ожидании крыльшек, мечтательно ждала, когда в один прекрасный день высоко над лугом взлетит ее бабочка.

Бабочки были свободными, как птицы: они умели летать!

Ходячие переживания, родственные узы, долгоиграющие Карлсоны, хвеноменальная дикция и совершенствование морального облика

Мама была сплошным ходячим переживанием. Переживать – так же естественно, как дышать. Переживания были ее природной стихией. По-другому она не могла, не умела и не хотела уметь. Сегодня она переживала о том, что было вчера, и самоотверженно начинала переживать о том, что будет завтра.

Увешанная переживаниями, как елка гирляндами, мама волновалась и переживала за всех и вся. За свою старшую сестру Мару, которая была больнее всех больных. За свою младшую сестру Сару, у которой было что-то с сердцем. За дочку Сары – Лилю, которую бросил жених. За дочку Мары – Арину, у которой была такая сложная личная жизнь. За папиного двоюродного брата Леву и за Левиного сына Вову, которые не ладили между собой, чем вносили диссонанс в общесемейную идиллию.

Кроме родственников, у мамы была работа, классное руководство, классные и внеклассные мероприятия, родитель-

ские собрания, тетради, контрольные. А еще (учтите девяностые годы!) постоянно существующая угроза в виде Садада Хуссейна, угрожающего сбросить всех евреев в море. И забота о мире во всем мире. А также быт с добыванием дефицита и умением из ничего сделать все.

Маме Тамаре можно было смело присваивать звание Мать Тереза. Сеять разумное, доброе и вечное она не прекращала никогда. Под ее крыло стройными рядами становились наши родственники, как пролетарии всех стран. Она соединяла, ободряла, утешала, улаживала конфликты, выручала и при всей этой напряженке даже успевала перевести дух. Если бы богатство определялось количеством родственников, моя мама давно была бы миллионершей. Главный капитал – родственники: самое дорогое из всех богатств на свете.

Платон сказал: «Заботясь о счастье других, мы находим свое собственное». Если верить Платону, моя мама была самым счастливым человеком на свете, ибо регулярно вносила вклад в фундамент счастья ближнего. Чужие переживания впитывались, как губка, и воспринимались, как личное горе. Стоило кому-то посетовать, что на даче «не уродили» огурцы, как огурцы с нашей дачи без промедления срывались-мылись-солились-укропились-закатывались в банки и срочно доставлялись по месту жительства тех, у кого они «не уродили». Впридачу с маринованными перчиками, патисончиками, квашеными арбузиками и фирменной налибочкой. Да не оскудеет рука, дающая, дающая, дающая...

Вкладывающая в руку берущую, берущую... Кхм... Загрещущую...

Мамина доброта была беспредельна, как и нахальство дражайших родственников. Мама неумоимо помогала всей родне. Многочисленная родня воспринимала это, как должное. Ах, Тamarочка, бригада экстренной помощи ближнему! Наш адрес бил все рекорды популярности, будто его напечатали крупными буквами, как на афише, и вывесили на столбе, намазав сверху медом. Точнее, вареньем.

К нам, и только к нам, все ездили варить варенье! Любителей варенья не остановило бы ни извержение вулканов, ни крушение поездов, ни нелетная погода. Все лучшее – гостям! Создавался график высадки десанта. Бетя и Мотя из Кривого Рога приезжали на десять дней раньше Эллы, Беллы и Стеллы, за ними терпеливо ждали своего часа рижане, москвичи и ленинградцы. Одни гости приезжали, другие – уезжали, третьи еще не приехали, а я уже ждала, когда они уедут.

Самым безалаберным и не соблюдающим регламент было Лёвы-Мусино семейство с дочками-близняшками Майей и Раей, их мужьями-близнецами Гариком и Мариком, тремя парами детишек-близнечишек Ромой, Семой, Юликом, Шуриком, Дашей и Наташей. Впридачу с Илюшей и Андрюшей, сыновьями старшего сына Вовы, который неоднократно женился, пополняя своими женами ряды образцовых варенье-варительниц, перенимающих у моей мамы секреты ва-

ренье-варения.

Все это количество народу уплотнялось, как в рукавичке, мельтешило перед глазами, как картинки в калейдоскопе, – несказанно радуя мою бескорыстную и бесхитростную маму.

Мероприятие «варить варенье» было просто, как процесс эксплуатации ближнего ближним. Шли в бабушкин сад, собирали малину, крыжовник, красную и черную смородину, вишенку-черешенку, абрикосы. Остальное покупали на рынке. А раз только моя мама варила самое вкусное в мире варенье и в этом деле не имела равных, – право варить варенье всегда доставалось именно ей. Свита карлсонов с малышами умиротворенно наблюдала, как варится *их* варенье. А варилось оно прямо во дворе в нашем большом тазу на нашем сахаре. Или в нашей летней кухне на нашей газовой печке с нашим газовым баллоном. И закатывалось в наши банки нашими же, по благу добытыми, дефицитными крышками.

В прозрачно-золотистом сиропе, как в законсервированном солнце, – медленно, как космонавты в открытом космосе, плавали круглые янтарики белых черешенок, ярко-рыжие медовые мячики абрикосок в красных конопушках и зеленые полосатые крыжовинки, похожие на малюсенькие мохнатенькие арбузики. Из мятых и перезревших фруктов-ягод варилось повидло: эдакие бордово-пурпурные сливово-вишневые композиции, но и тут дражайшие родственники не упускали свое.

– Тamarочка, тебе же все равно – повидло или варенье?

Так мы возьмем варенье, а тебе – все остальное?! Тебе управляться с банками – правда же, приятно? Ты – наш победитель соцсоревнования! Почаще готовь Элине запеканки с повидлом. Она такая худорба!

Я печальным памятником застывала над «погиблом с запиханкой», оставаясь худорбой.

Моя мама умела варить варенье из всего, даже из моркови и зеленых помидоров. Если бы давали звания за варенье-варение, она украсила бы любой чемпионат.

Ошалевшие от сладкого изобилия осы взбудораженно жужжали, воспевая трудолюбивое человечество. Аромат варенья растекался по всему двору вместе с родственниками, которые, пока мама варила *их* варенье, разбрелись по всем углам, слоняясь по бабушкиному приусадебному участку и подпитывая витаминчиками утомленные городские организмы. Не забывая активно пробовать пенку, щедро намазанную на горбушки свежего, прямо из пекарни, хлебушка.

Количество потенциального материала для будущего консервирования стремительно уменьшалось. С умилением поглядывая на обжорные ряды неутомимых сладкоежек, мама радовалась от всей широкометражной души:

– Пусть едят на здоровье! Не объедят!

Получив конечный результат в виде закатанных баночек и насладившись вкусами, расслабленные отдыхом «карлсоны» сменяли развлекательно-жующую программу

на прощально-загребущую. И, включив свои пропеллеры, проворно улетучивались до следующего года, рассыпаясь в благодарностях и приглашениях «на чашечку чаю с вареньем».

Я мило отвечала:

– Спасибо! Ваша вода к нашему варенью – приятное сочетание. То, что надо!

Мама делала большие глаза, взывая к моей совести:

– Как ты можешь такое говорить? Это негостеприимно! Они же могут обидеться! Они же больше никогда к нам не придут!

Я трижды мысленно сплевывала через левое плечо, надеясь, что «карлсоны» найдут для сладкой жизни другой аэродром, а вслух говорила:

– Ха-ха-ха, куда они денутся? Такой халявы – ищи, не найдешь! Можешь не сомневаться: никто, кроме тебя, не захочет добровольно пахать на всю эту ораву.

– Элина! Откуда ты берешь слова?! Разве это лексикон для воспитанной девочки?! – обрушивала воспитательный момент мама. – Ты же дочь учительницы! Что скажут люди?! Интеллигентные дети не должны знать таких слов!

– Мамуля, тебя используют на полную катушку! Ты для них – лампа, на которую летит полно мошкеры! – говорила я, надеясь на мамино здравомыслие и не забывая о запрете на инакомыслие.

– Как можно с таким недоверием относиться к людям?! –

воскликнула мама, уставшая увещевать и вразумлять. – Они со всей душой, а ты к ним – с камнем за пазухой! Мне нетрудно сварить для них варенье! Это же приятно: сделать людям приятное!

Чтобы людям было еще приятнее, подписные издания из нашего книжного шкафа перекочевывали к любимым родственникам безвозвратно и безвозмездно. Особенно усердствовали тетя Элла, тетя Белла и тетя Стелла, то и дело ахающие над предметами своего восторга, которые прилипали к их ручкам, как дивненькие, чудненькие и миленькие сувенирчики.

– Ах, какая дивненькая подписочка! Это же мой любимый Бальзак! Спасибо, Тamarочка! – суетливо укладывая Бальзак в рюкзак, приговаривала тетушка Белла.

– Ах, какая чудненькая салатничка! Обожаю чешский хрусталь! Спасибо, Тamarочка! – крепко прижимая к груди мамину любимую салатницу, подаренную благодарными учениками на 8 Марта, умилялась тетушка Элла.

– Ах, какая миленькая бижутерия! Это мне? – елеино кудахтала тетушка Стелла, примеряя у зеркала мамыны янтарные бусы.

Больше часа ни чудненькую Эллу, ни дивненькую Беллу, ни миленькую Стеллу выдержать было невозможно, но по отношению к родственникам мама была наидобрейшим и наидоверчивейшим существом, способным на любые подвиги. Все родственники вили из нее веревки. Она верила

всем. И во всех видела только светлые стороны. Только...

На своей собственной территории родственники почему-то принимали нас намного прохладнее и не с таким горячим энтузиазмом, как мы их. У некоторых даже не удавалось попить чаю. С тем самым вареньем. Почему-то в гостях были мизерно-микроскопические порции (в отличие от наших), а хозяева почему-то соревновались с гостями, кто меньше съест, так вяло ковыряя вилками салатки, будто есть с аппетитом – неприлично.

– Что ж вы все сидите и сидите, ничего не едите? – кричались хозяева. – Попробуйте селедочку!

Ну, разве что попробовать. Есть-то все равно нечего. А что есть? Тонкие до прозрачности кусочки селедки (сколько гостей, столько и кусочков) лежали на крошечных селедочницах в таком эстетическом порядке, что нарушить эту красоту было варварством. А котлеты? Нечего объедаться: каждому в тарелку подавалась одна-единственная котлета. Под расчет: сколько людей, столько и котлет. Правда, мужчины получали дополнительную половинку – полторы котлеты. Их (котлеты, а не мужчин) лично своими ручками распределяла рачительная хозяйка, чтобы не дай Бог, не взяли по две, а то и (страшно подумать) по три!

Напряженное внимание, «что еще принесут или не принесут», перерастало в неестественно затянутую паузу. Могут и не принести! Корчась в приветливой улыбке, хозяева церемонно спрашивали, заранее подразумевая отрицательный

ответ:

– А кто не хочет чаю или кофе? Линчик, ты правда не хочешь кушать?

Почему бы и нет? Мне хотелось сказать: «Я хочу!», но мама, не желая никого обременять, подталкивала меня в бок и, деликатно ссылаясь на срочные дела, вставала из-за стола, так и не познав всех прелестей чайной церемонии.

Вслед неслось не очень настойчивое (а вдруг мы передумаем и вернемся):

– Как?! Вы уже уходите? Подождите, я же *хотела* вскипятить чайник!

Как-то мы, в предвкушении радостной встречи, поднимались на четвертый этаж без лифта к дяди-левиному сыну Вове. И услышали голос тогдашней Вовиной жены:

– Вовка! Ешь быстрее курицу, а то Сокольские тоже захотят!

Главное, чтоб доесть успели! Я не против родственников, но если мы – им, то пусть и они – нам. А если только мы, да мы...

Пришлось восстановить справедливость. Как бы невзначай, я совершила утечку информации. По телефону и совершенно секретно от мамы. Голосом хорошей девочки, пекущейся о ближнем. Могу же я проговориться (по секрету всему свету), нечаянно выболтав то, о чем якобы умалчивают взрослые?

Я «проговорила»:

– Так не хочется вас огорчать, но... Дело в том, что мы ходили лечить зубы... И, представляете, подхватили болезнь Боткина. Вся семья болеет желтухой, все желтые, как лимоны... Надо же, какие недобросовестные врачи! Ужас, как плохо стерилизуют инструменты! Но мы постараемся срочно выздороветь, чтобы варенье...

Ряды родственников дрогнули и поредели. Несмотря на гостеприимные мамины приглашения, любители сладкого наотрез не желали приезжать «на варенье». Чем настойчивее их приглашала мама, тем упорнее они отказывались от своего любимого варенья. Еще бы! Они ведь знали от меня (тоже по бо-ольшому секрету), что в городе – холера. Правда, пока единичные случаи. Но, увы, у ближайших соседей.

Кто ж добровольно полезет в очаг поражения?! Прожорливые «карлсоны» больше не приземлялись на нашем аэродроме: для полного счастья им не хватало холеры, а нам – назойливых «долгоиграющих» гостей.

Мама была в замешательстве. Она не знала, что делать со свободным временем!

ПОСЛЕСЛОВИЕ по следам событий с приложением цитат из воспитательного момента.

1. Кругом кишат кошмары! Разве можно в наше время иметь детей?!

2. Ребенок (это я) абсолютно неуправляемый! В ней скрываются задатки авантюристки!

3. Позор семье! Что скажут люди?!

Выводы: «От правильного воспитания детей зависит благосостояние всего народа». (Джон Локк)

Сколько себя помню, нас окружали родственники. Почти все они жили в нашем городе и даже в нашем дворе. Впрочем, те, что жили далеко, приезжали так часто, что были ближе близких.

У мамы было две родные сестры – Мара и Сара. Две двоюродные сестры – Дора и Элеонора. Три троюродные сестры – Элла, Белла и Стелла.

А еще у нас были Бетя с Мотей. Тетя Мотя и дядя Бетя. Или дядя Мотя и тетя Бетя? В детстве я пыталась разобраться, кто из них Мотя, а кто – Бетя, и громко спрашивала:

– Мотя – тетя или дядя?

– Тс-с-с... – смущалась мама. – Неужели так трудно запомнить? Тетя – это Бетя, а дядя – это Мотя.

Мотя и Бетя жили в городе со странным названием Кривой Рог. Почему Кривой? Там что, все ходят, как крестonosцы, в шлемах с кривыми рогами на башке? Выращивают крупный криворогатый скот? Железный Рог – монументальнее. И оригинальнее.

Из Кривого Рога Мотя-Бетя писали письма. Читая их перлистые рассуждения с уймой грамматических ошибок (*бережДливость, вежДливость, лудше, позднОвательно* и даже «зАдиак»), я проникалась к дяде-тете Бете-Моте (тете-дяде)

де Моте-Бете) чувствами коллекционера. Я собирала перлы, а Бетя и Мотя – неиссякаемый источник.

– «НеподрОжаем»... – в восторге цитировала я. – Это от слов «родить-рожать» или «дорожать»? Что они имели в виду?

– Главное, не чесать: само пройдет, – улыбаясь, подсказывал Миша. О Мише – расскажу потом.

– Что за *прерЫкания*?! – строго вопрошала я. И продолжала чтение, акцентируя в нужных местах. – Невестка Муся – *самовлЕбленная ранодушная хладнокОровая психопАдка*, работать не хочет... *ДомАхозяйка*. Записалась на *бОльные танцы*. Готовит *Адин Амлет* с *Удохотворенным* лицом. Ей нужна *домОрОботница*...

Пробежав глазами письмо, я находила новый повод для радости:

– Миша, класс! У них выпала *сантимеНТРовая тоща* снега! Ну, с тощей – это понятно, а вот «Конец – делу *ВИнец!*» Винец – это что? Вино мужского рода или тот, кто его пьет?

– Лишь бы пулю не отлили, – успокаивал Миша.

Прилично-педагогичная мама, извергая из глаз праведное пламя, испепеляла меня взглядом. Остатки пепла уносил ветер.

Какие *вырОжения*... *Потрясение* мозга! Кроме орфографии, у тети Бети была уникальная дикция – «феефектная фикция»: вместо «ф» она выговаривала «хв». В тети-бети-

ной звуковой интерпретации это звучало странно, но самобытно:

– *Футбол (хвутбол). Хвишка. Ахвиша. Хвиник. Хвига. Салахветочка. Хвизика. Пихвагор. Хвилипп Киркоров. Хвестиваль. Хвонарь.* И совершенно потрясающее слово «*хвитюлька*».

Я сидела, развесив уши на своей *хвизиономии*, наслаждаясь *хвонетическими* «эксскриментами», как меломан – Моцартом. Чем не *хвилармония*?

– *Хвабрика. Хверма. Хворма. Прохворма. Хвикус. Хвотограхвия. Калиграхвия.*

Однажды, когда мамы не было рядом, я открыла рот... И спросила:

– Почему вы говорите не Пифагор, а *Пихвагор*?

Исчерпывающий ответ гласил:

– Я говорю не *Пи-хва-гор* (Пифагор), а *Пи! хва! гор!* У меня в зубе – *хвикса*, поэтому я говорю не «хв», а «хв»! Вот и весь *хвокус*. Так что не *хвыркай* и не *хвордыбачься*. Играй на своем *хвортетьяно*.

У тети Бети были свои закономерности произношения. Если подряд шли два слова с «ф» (например, у конфеты – фантик), то как «хв», произносилось одно: «У конфеты – *хвантик*». «В форели много *хвосфора*». Наслушавшись тетю Бетю, я стала сомневаться, как правильнее сказать: хвостик или *фостик*? Хворост или *форост*? Форель или *хворель*? Похвала или... А фосфаты? Разобраться в этом – не просто.

Это вам не раз *фукнуть*! «Хв» произносилось смачно, как бессмертное «Муля, не нервируй меня».

– *Эхвект – хвеерический!* Фальсификаторов с фамилиями наподобие Филипченко, Фесенкова, Фурцева в фуфайках с фирменной фурнитурой просим не беспокоиться! – радуясь за пополнение моей коллекции, подкалывал Миша.

Хван-тас-ти-ка! Хванхвары! Хотелось выдать *ком-но-ли-мэн-ты*. Возможно, даже переходящие в овацию. И *сала-хвоточкой* вытереть слезы умиления... Я умирала от любопытства, как тетя Бетя озвучила бы слова «Граф» и «параграф»... Для такого лингвистического эксперимента я бы даже научилась печь торт «Графские развалины». А вдруг, наслаждаясь таким чудным тортиком, тетя Бетя спросит: «Как называется торт?!» И я услышу, как они *это* произносят... А фонограф, восторженно пофукивая, записывает сию прелесть в фонетический хв... фонд.

Представляете картину? Тетя Бетя, учительница физики-математики, заходит в класс и фонтанирует:

– Дорогие дети! Я у вас буду преподавать *хвизуку* и математику. На уроке *хвизуки* мы изучим закон *дихвизии*, а на уроке математики – теорему *Пихвагора*. Записывайте *хвормулы*. Начертим *грахвик!*

Тетя Бетя могла бы украсить своей *хвеноменальной* дикцией название любой профессии: филателист, финансист, фигурист, философ, филолог, фотограф-фотолюбитель. Ах, дети, дети... Не дождаться вам тети Бети. Дядя Мотя и те-

тя Бетя поменяли место жительства на другие *географические* дали. Вы скажете, на *Хвилитины* или *Хвинляндию*? Не догадались! Письма от них стали приходить из *Ниёрки*, где местный *кАлгорит*. Где молодое *покаление* *прогнозирует* очередную *чужь*. Где *указать* ничего нельзя. Где едят *лопстеров* и нужно *поластаться* часто *перидеяться*. Где в *кОностудии Шварцнейгер* *гОрантирует* совместить реал и *вирКуал*.

Ниёрка – это вам не Кривой Рог. Это вам не *хверма*. Ниёрка – это Нью-Йорк! Город такой в Америке. Для тех, кто не знает. *Хвинита* ля комедия.

«У хорошего садовника гусеница никогда не появится». (А. Макаренко)

Родственные узы – это святое. Мамина родня – святее святых! «Сокольские» гены – напасть вроде простуды. Если не искоренить, то подавить: планомерное движение к цели – залог успеха. «Сокольская» порода не котировалась.

– Ну почему ты не похожа на меня? – патетически восклицала мама с видом человека, который присутствует на траурной церемонии. – И что за прическа у тебя на голове? Предыдущая была гораздо лучше!

Кстати, точно такими же словами, с точно таким же осуждением она говорила о моей пред-предыдущей прическе. Будто это – одна-единственная прическа на веки вечные, на всю мою оставшуюся бесталанную жизнь, и другой уже не будет никогда.

– Почему ты так громко смеешься? Так смеяться – просто неприлично! Так, как ты смеешься, – ржут лошади! Где ты слышала такой смех?!

От этих фраз мне уже не хотелось смеяться: ни тихо, ни громко. Вообще не хотелось смеяться. Мама умела испортить настроение и обладала даром из любого развлечения сделать пытку.

«Кругом кишат кошмары! Разве можно в наше время иметь детей?!» – эта любимая мамина фраза звучала лейт-мотивом и означала: несмотря ни на что, из меня сделают человека.

– Почему ты не поздоровалась с Брониславой Арефьевной? Мне было стыдно за твое поведение! Что люди подумают? И что скажут люди?!

Мама щепетильно относилась к догмам общепринятой морали, пытаясь предусмотреть непредусмотренное.

– Ты должна переосмыслить свои взгляды на жизнь и задуматься, иначе будет поздно. Все твое поведение сегодня – даст плоды завтра! Я всем расскажу, как ты себя ведешь и что ты собой представляешь! От тебя отвернутся все подружки, как только тебя раскусят!

Мама страшно боялась моего пагубного влияния на окружающих. И пагубного влияния окружающих на меня. Как бы я не поступила, все было не так, но ко всему привыкают. Дрейфовали же челюскинцы во льдах? Лавируя, приобретаешь сноровку выруливать из экстремальных ситуаций, а ес-

ли человека все время гладить по шерстке и хвалить, неизвестно, что из него вырастет. Может вырасти белый пушистый кот.

«Покупатель любит лезть туда, где тесно».
(Шолом-Алейхем)

Заседая на лавочках, как в президиуме верховного совета, дворовые кумушки соревновались, кто лучше похвалит свою дочку. Главная задача девушки – удачно выйти замуж, а засидевшаяся девица – перестарок, поэтому заботливые мамыши любыми способами пытались сбыть «товар», пока не увял товарный вид. Повышая конкурентоспособность дочек на рынке невест, мамыши грамотно применяли рекламные уловки:

– Ой, бабоньки, знали бы вы, какой борщ варит моя Люся. Такой борщ, такой борщ... Я ж готовлю и на свадьбы, и на похороны... Всю жизнь прожила, а такого борща, как моя Люся варит, никогда ни у кого не пробовала! – канарейкой разливалась мамаша Люськи Рябоконь, проверяя реакцию окружающих, все ли верят.

– А спросите, чего моя Светочка не умеет делать?! Да она лучше меня все знает и умеет! Вот счастье кому-то достанется. А как она шьет! Прямо по «бурдовым» выкройкам! – захлебывалась восторгом мамаша Светки Пышкиной, поглядывая по сторонам, все ли слышат.

– А моя доця – такая скромница, такая хозяйюшка, какие пироги вчера испекла! – подхватывала эстафету мамаша

Зойки Черновол, усиленно припоминая, за что еще можно похвалить свою доцю.

«Когда у девушки нет других достоинств, то и родинки – прелесть», – помню, говорила бабушка Лея. Пиар кипел, как самовар! У замечательных матерей – замечательные дочери, а если постоянно твердить только хорошее, слухи понесутся впереди паровоза. Пришитая к дивану рукодельница Света пришила всего пять пуговиц и пять раз пролистав журнал «Бурда Моден», но уже снискала славу великой портнихи. Я никогда не заставляла великую кулинарку Люсю на кухне за варкой борща – залога успешной семейной жизни.

И ни разу не видела, чтобы хозяйственная Зоя слепила хотя бы один пирожок. Наверное, она пекла их, когда скромно целовалась вчерашним вечером с Пашкой Духопелом, потому что страстное воркование этой парочки раздавалось на весь двор, и не услышать его могла разве что глуховатая Ада Никифоровна, Зойкина мамаша.

Вся похвальба принималась мамой за чистую монету и использовалась для новых нахлобучек на мою голову, как замаскированное минное поле, готовое в любой момент рвануть. Вон какие у людей дети удачные! Есть за что похвалить и чему позавидовать.

Учительский рабочий день – ненормирован. Мама делала индивидуальные карточки с заданиями для учеников, проверяла тетради, создавала наглядные пособия, писала рефераты, но если бы она и выкроила время для посиделок с со-

седками, все равно бы не похвалила меня. Ни лично, ни публично. Похвалы портят ребенка, как конфеты – зубы. Хвалить не за что, а будет за что – люди сами похвалят.

Хотя... Меня можно было похвалить за фирменные блины «Линетт»! В официальной кулинарной терминологии они назывались длинным безликим словом «налистники», но мне нравилось короткое и звучное – блины. С разной начинкой и разной формы: квадратные (с мясом), треугольные (с рисом, укропом и крутыми яйцами) и яблочно-творожные, свернутые трубочкой. Среди них не было ни одного нетоварного: подгоревшие складывались в газетный кулечек и скармливались коту Циклопу, который с готовностью уничтожал вкусные улики, дипломатично умалчивая о провалах.

Блинное великолепие выкладывалось горкой на большом блюде и подавалась, когда приходил... Но об этом потом.

Дедушка говорил: «Твоя голова отвечает за то, куда сядет твой зад». Вооружившись этой поговоркой, как хворостинкой, дед воспитывал дочерей Сару, Мару и мою маму Тамару. В те времена кошмаров кишело меньше, и детей растить было легче: в те времена не было моды на мини-юбки, а мама блюла мой моральный облик, запрещая носить «это безобразие». Длина – только до середины коленной чашечки! А как же мои балетные ноги, украшение фигуры?

Все запреты имеют обратный эффект. Когда запрещают,

хочется вырваться из-под давления и проверить, почему кому-то можно, а тебе – нельзя. Выйдя из дома, я повыше подворачивала пояс юбки за ближайшим поворотом и, подальше от маминых зорких глаз, с чувством глубокого удовлетворения вышагивала той самой эффектной походочкой от бедра, которой должна владеть каждая уважающая себя девушка. И не забыть повилить попой. Ввиду скромных размеров, вилять было пока нечем, но это – к лучшему. Если приключения на «тухес»¹ пропорциональны его размеру, то у меня никогда не будет больших неприятностей. Тем более, что вокруг кишат кошмары. То-то, глядя на меня, все сворачивают шеи до шелеста в позвонках. И даже чуть шарахаются, натываясь на фонарные столбы с риском ушибиться. Их можно понять! Единственная дочь уважаемой учительницы обладает немыслимой красотой, которая в сочетании с папиными генами...

– Элина! Что ты одела?! Как ты сидела? Как ты посмотрела?

Мама запрещала мне пользоваться косметикой, хотя все подружки красились, не спрашивая у родителей никакого разрешения, а когда красишь ресницы, глаза становятся выразительнее, а лицо – взрослее и загадочнее.

– Элина! Как ты вульгарно нарядилась! Твое лицо выглядит, как сорочье яйцо, а лицо юной девочки должно быть

¹ мягкое место, находящееся ниже линии талии (идиш)

чисто умытым! Смой косметику сейчас же! Тебе не идет!

Если день за днем ронять воспитательные капли, они выдолбят дырку в любом, даже самом неподдающемся камне. А если соринки превращать в бревна, ни один глаз не выдержит.

– Элина, почему возле тебя вечно крутятся мальчики? Просто так они крутиться не будут. Значит, ты строишь им глазки! Не забывай, что у тебя ужасные гены твоего папочки! Рано или поздно они дадут о себе знать!

Мальчики крутились возле меня по уважительной причине: я писала русскими буквами английские слова на листочках под копирку, а мальчики, нороя изобразить английское произношение по моей писанине, «спикали» на уроке английского под одобрительные взгляды англичанки Ирмы Эдуардовны. Кроме того, мальчики списывали у меня диктанты по русскому, а я списывала у мальчиков контрольные по математике. Если учесть, что все мои контакты с мальчиками бдительно контролировались Витькой, то мамина борьба с опасными генами походила на маниакально-депрессивный синдром.

Если слишком долго удерживать бабочку в теплочно-стерильном коконе, она же не будет знать жизни. Любовь, которая не дает дышать, – душит. Я была заточена в кокон, как в темницу. Родительский долг неукоснительно и добросовестно выполнялся двадцать четыре часа в сутки. В то вре-

мя еще не было мобильных телефонов, но каждый мой шаг контролировался. Каждая минута моего расписания – тоже.

Дамоклов меч угрозы раскрытия моего ужасного морального облика довлел, нависая. Меня шлифовали, придирчиво проверяя качество. Я просто обязана была быть совершеннее всех самых образцовых совершенств. Другого выбора не оставалось, как у сапера, не имеющего права на ошибку. Меня доводили и будут доводить до самой совершенной кондиции всю жизнь, и умру я самым совершенным совершенством из всех совершенств на свете. И буду я качественно-однородной, праведно-правильной. И скучной, как фарш, многократно прокрученный через мясорубку.

ИЗ КОДЕКСА ПОВЕДЕНИЯ ОБРАЗЦОВО-ПОКАЗАТЕЛЬНОЙ ДОЧЕРИ

Образцово-показательная дочь дает и беспрекословно выполняет обет послушания.

Образцово-показательная дочь не имеет права на ошибки. Образцово-показательная дочь обязана выкладывать матери все свои секреты

Приличные девочки в приличном обществе ведут себя прилично.

ИЗ КОДЕКСА ПОВЕДЕНИЯ ОБРАЗЦОВО-ПОКАЗАТЕЛЬНОЙ МАТЕРИ

Хорошая мать должна знать о своем ребенке всё и даже

больше!

Иметь ребенка – страшная ответственность! Чем больше детей, тем больше ответственности.

Прежде, чем заводить детей, человек обязан понимать, какую ответственность он на себя берет.

Сумасшедшие шкварки, бриллиантовые пальцы, марсианские комплексы, парижский шарм и дамский ажиотаж

*«Микробы не становятся опаснее оттого, что
микроскоп их увеличивает».*

(Э. Кроткий)

Папа был один, как десять. Человек-ураган с необъятным диапазоном идей, приколов, приключений и злоключений, немалая часть которых оставалась «за кадром». Генератор энергии, море обаяния. Фантастически безалаберен, безгранично изобретателен, авантюрно предприимчив, катастрофически неуправляем. Отличный организатор. Людей в атаку поднимать – запросто! «У сумасшедших гусей – сумасшедшие шкварки», – говорил дед. Мощная смесь этих компонентов вклинилась в мои гены.

Папа был непредсказуем, – мама стремилась «раскладывать по полочкам». Мама не хотела никакой публичности, – жизнь с папой напоминала шоу в прямом эфире. Папа находил общий язык с кем угодно и даже в Букингемском дворце был бы, как рыба в воде, но проще поладить с английской королевой, чем вынуть из футляра царицу Тамару.

Там, где появлялся папа, становилось тесно. Кипело, бурлило, било ключом через край! Кличьте народ, Мишка Сокольский пришел! Он задавал вопросы и сам на них отвечал. Публике позволялось внимать с раскрытыми ртами, с развешанными ушами, утирая слезы смеха под экспрессивно-краткие стоны: «Ржунимагу! Щас живот лопнет!», что в переводе на «культурную» речь означало: «У меня от смеха болит брюшной пресс! Если буду продолжать так рж... смеяться, мой живот без всяких тренажеров станет стройным, как у Людмилы Гурченко!»

В папином арсенале, как в портфеле с таранькой, водилось множество перлов. Он мог дать объявление: *«Продам в хорошие руки домашнего дрессированного ласкового крокодила, который постоянно линяет и сбрасывает шкуру. Сплошная выгода: сумки, кошельки из натуральной крокодильей кожи. Бонус – крокодиловы слезы (врачуют все, даже потенцию). Бешеный потенциал! Гибкая цена! Кто дает больше, выигрывает! Звонить с 12:00 до 12:30».*

Народ не укладывался в рамки папиного обеденного перерыва. Телефон трещал, не умолкая, причем очередь на крокодиловые шкурки (для сумочек с кошелечками) была меньше, чем на повышение потенции крокодиловыми слезами. Цены на несуществующего крокодила взлетали, как ртуть на поджаренном градуснике. Умаявшись отвечать на звонки, «крокодилвладелец» находил новый повод для очередного розыгрыша. Папе пытались подражать, но кто клонет

на обесцвеченную копию, если у оригинала – харизматический дар овладевать сердцами людей? Эх, почему он не подался в артисты? Мог бы стадионы собирать! А виновата баба Рива, папина мама. Услышав, что ее восемнадцатилетнего Мишеньку приглашают сниматься в кино про партизанов, сказала: «Я своего сыночка в разврат не отпущу!»

Из-за бабы Ривы мировой кинематограф понес невосполнимую утрату, но в «народные артисты» папа-таки подался. Будучи водителем «Скорой помощи», ходил по деревенским свадьбам в качестве тамады. К гонорару прилагалась натура: сальцо-мясо, горилочка, подсолнечное маслице, мешки с картошечкой-лущком, ящики с помидорчиками-огурчиками, вишенкой-черешенкой, бидончики свежееотжатого сока прямо с сокодавильни. Под занавес, когда народные гуляния достигали апогея «назюзиуренности», проделывался коронный номер. С подносом, на котором стояли две трехлитровые банки с надписями «Для молодых» и «Для тамады», обходились столы под аншлаговый тост:

– Ещо рубль, шоб стояло, як дуб!

Купюры заполняли банку тамады, минуя банку молодых!

Большого приколиста и шутника невозможно представить. Перед самым Новым годом, 31 декабря, мой доблестный папочка ходил в поликлинику лечить зубы и встретил там соседей Галю и Федю Антоненко, чью фамилию переименовал на итальянский манер – *Антониони*, что страшно

навилось и Гале, и Феде.

Кино и итальянцы! *Дон Педро Антониони!* В результате бурного семейного разбирательства, происшедшего накануне, у Гали было выбито два зуба, у Феде – забинтована голова. Несмотря на травмы, требующие врачебного вмешательства, парочка жизнерадостно улыбалась, обмениваясь благосклонными взглядами.

В голове у моего папеньки зароились идеи, как мухи над маминым вареньем. Он позвонил соприкольнику Ривкину Михаилу Марковичу с просьбой срочно прибыть с фотоаппаратом. Пока фотограф-любитель добирался, докторесса Изабелла Константиновна по прозвищу Зубная Изабелла пломбировала «сокольский» зуб. Затем в «сокольский» штаб вкатилось кресло-каталка, нагруженное снаряжением для гипсовых повязок. Всегда готовый на подвиги травматолог Вениамин Выскубов-Кудрявцев по прозвищу Выскубаный Веник (прямо в кабинете стоматолога!) накладывает гипс на «сокольскую» голову и конечности. С легкостью невероятной (за компанию!) папенька убалтывает Зубную Изабеллу загипсовать (хотя бы!) два пальца на левой руке. Почему бы и нет? Как можно отказать? В кресле-каталке папеньку вывозят в коридор. Галя с перевязанной челюстью и Федя с повязкой на голове – рядом, в театральных позах. Картину телесно-поврежденных дополняет Зубная Изабелла с «бриллиантовыми» пальцами и Выскубаный Веник с перекосенной от счастья физиономией. Чи-и-и-з! Всея ком-

пани в гипсовой униформе – фото на память.

Какая к черту работа? 31 декабря, Новый год на носу! Шофер «скорой помощи» – за главврача. Вся поликлиника – при деле. Хохот, шутки-прибаутки. Кто больной? Позабыв о болезнях, пациенты распивают с медперсоналом шампанское. Да здравствует хохмотерапия!

Чета Антониони торжественно везет ценный груз домой. Количество сопровождающих процессию растет, как снежный ком. Почетный эскорт разрывается раскатами хохота. С кресла-каталки забинтованно-загипсованный «страдалец» непринужденно рассказывает всем желающим (а желающие желают!) историю, которая начинается словами: *«Значит, так! Лежим мы с Галей. Заходит Федя...»*

Кишки падали на пол! Из-за восторженных возгласов рассказ не удавалось довести до конца, пока не отпечатали фото. Впоследствии папино повествование «Лежим мы с Галей» подтверждалось предъявлением *документа*. Текст писали мы с папой на обратной стороне фотографии (по секрету от мамы):

«Репортаж с горячей точки! Эротическая трагедия! Любовный треугольник! Кино и итальянцы! В результате семейных разборок в больницу доставлены три человека одновременно! Галина и Педро Антониони плюс Михаил Сокольский! Расплата за поцелуй – травма всех органов, контузия головы, серьезные повреждения ротовой полости и зубной врач без двух пальцев на левой руке!»

Освобождение от гипса проводилось на дому «больного» двумя бригадами «Скорой помощи», включая травматолога Выскубова-Кудрявцева и главврача больницы. Дружеский консилиум проходил у новогодней елочки под коньячок с лимончиком. Налимоненно-обконьяченная медицина, заплетаясь ногами и языками, витиевато-нечленораздельно благодарила Тамару Альсанну за уникального мужа и коллегу.

Кстати, главврач, неоднократно страдавший от папиных розыгрышей, был за него горой даже после объявления, вывешенного на окошке регистратуры:

«К сведению медперсонала. Раздача яиц будет производиться в кабинете главврача с четверга по пятницу. Тару приносить с собой».

Медперсонал, привычный к «дифситам», частенько перепадающим по профсоюзной линии, с тарой в руках пунктуально явился за яйцами, но жуткое удивление в глазах главврача сменилось жутким разочарованием тех, кому ценный продукт не достался. Чтобы отвести гром и молнии, папа сделал отвлекающий маневр. Оказывается, американская еврейская община жаждет подарить райбольнице «Амбуланс», оснащенный новейшим медицинским оборудованием! Обычно такие машины дают для Израиля, но тут расщедрились. С условием, что за рулем будет еврей и весь экипаж – еврейский. Водитель Михаил Сокольский – готов, но с экипажем – напряженка: в паспортных данных должна

стоять еврейская национальность, иначе подарок не дадут.

Ломая голову над подбором кадров (проще отказаться от «Амбуланса», чем уломать хорошо замаскированного еврея размаскироваться), главврач вспомнил о яйцах. Да уж. Полагаться на Михаила Сокольского – все равно, что доверить коту охрану сметаны.

«Самое ценное, что у человека есть, это его жизненная энергия». (М. И. Калинин)

Угломонить папину неумемную энергию – как с вилкой на танк или с граблями на бронепоезд. Не по силам даже маме, уставшей от смеха и развеселых надувательств. Какой там смех? Мама не умела веселиться без причины и, не разделяя восторг папиных фанатов, терпела папины хохмы со скорбным выражением лица. Чувство долга перед всеми и чувство ответственности за всех перетягивали чувство юмора.

Из-за гипертрофированного чувства долга мама была всем должна. На себя уже ничего не оставалось: ни времени, ни желания, ни сил. *Как* можно радоваться простым земным удовольствиям? *Чему* радоваться, если жизнь – исполнение долга?

Другое дело – объять необъятное для кого-то. Мама возилась со своими учениками, как Макаренко, Корчак и Песталоцци, вместе взятые, – улучшая успеваемость двоечников, вытаскивая хулиганов из комнаты милиции, спасая от родительского ремня, устраивая на работу, к хорошему врачу,

подкармливая и даже улаживая дела сердечные. Она была запрограммирована всех обогреть, поделиться теплом. На это терпения хватало с лихвой, как у марсианина из рассказа Бредберри «Марсианские хроники», который помогал сразу всем, но физически не смог осчастливить всех одновременно.

Готовая на любые подвиги ради кого-то, мама не совершала оные для себя лично и к собственному мужу относилась, как строгая учительница к расшалившемуся ученику, которого вот-вот отчислят из школы за неуспеваемость, за неподобающее поведение и за прочие ужасающие прегрешения.

Мамины фразы выговаривались металлическим голосом и заколачивались словесным молотком, как гвозди в доску:

– Боже, мне завидуют все женщины. *«Ах, Тамара Александровна, у вас такой муж... С ним не соскучишься!»* Благодарю покорно! Лично я себе не завидую, я себе – сочувствую! Разве это муж? Это недоразумение! Разве это жизнь? Это сплошной первоапрельский розыгрыш. Я хочу нормального мужа, а не человека, с которым *«не соскучишься»!* Ты почему повесил в кабинете гинеколога Дозорного табличку *«Образцовое рабочее место»?* – напала на папу мама.

– Тмарочка, я повесил две такие таблички: одну – у гинеколога, а вторую – у стоматолога. Доктора – довольны, пациенты – тоже, – честно признавался папа мирным голосом человека, не понимающего, в чем его обвиняют.

– А *кого* ты попросил сделать эти таблички?! Ты же нано-

сишь урон репутации уважаемого молодого человека, педагога Ривкина Михаила Марковича, которому неудобно тебе отказать! – Мама защищала от папы моральный облик советской педагогики и советской медицины, а переубедить маму – так же безуспешно, как перенести зиму в лето.

Папа ловко выпутывался из обвинений, как Тарзан из папоротниково-лиановых джунглей:

– Тamarочка, ты ж понимаешь... Ривкин Миша – одессит, а все одесситы – приколисты. Я ему только идею подал, а он – раз! – и готово: изобразил, в рамочку поместил! Шустрый такой. Наш человек! Говорит, столь уникальные рабочие места грех не отметить по достоинству.

– Недопустимо выставлять себя на посмешище! Кругом и так кишат кошмары! Разве таким безответственным людям можно иметь детей?! Какой пример ты подаешь дочери? – нравоучительно негодовала мама, закипая, как манная каша, которая дуется пузырьками и вот-вот вылезет из кастрюльки.

Папа пытался держать оборону:

– Тамара, не сгущай краски! Девочка – живая и общительная. Зачем ты ее постоянно одергиваешь и запугиваешь? Ты доведешь ребенка до комплекса неполноценности!

– Надо же, какая беспечность! – продолжала забивать словесные гвозди мама. – Для тебя ничего не значат семейные ценности! Ты наплевательски относишься к тому, что скажут люди!

Иногда мне казалось, что в руках у мамы – не словесный,

а самый настоящий стальной молоток с деревянной ручкой, которым она забивает гвозди с широкими шляпками в дерево, над которым уже поработал дятел. Временами молоток превращался в многопудовый молот, впору камни дробить. Лучше бы мама приняла расслабляющую словесную ванну.

– Почему тебя так волнует, что скажут люди?! – удивлялся непотопляемо-непробиваемый папа, даже не пытаясь изобразить раскаяние. – Пускай посудачат. Надо же им говорить о чем-то? Умей посмеяться над собой, тогда вообще все до лампочки.

– Ничего себе, «посудачат». Что ты наговорил Флоре Амбросьевне и Аделине Филимоновне?! – осведомлялась мама, приподнимая соболиные брови.

– Тamarочка, я просто проверял, как одна-единственная тайна при помощи одной-единственной женщины перестает быть тайной! И убедился, что лучше всех умеешь хранить тайны только ты! – отшучивался папа.

Ничего себе проверка! Встретив на улице мою «мучительницу музыки» Флору Амбросьевну, папа мило поворковал с нею на тему женской красоты:

– Говорят, что французские косметологи умеют делать кремы. Все это – ерунда! Флора Амбросьевна, не верьте слухам! Мы, патриоты, знаем: лучшая в мире косметика – советская! Натуральная! Французы втихаря скупают наши кремы тоннами. Вы слышали, что они заключили секретный до-

говор с нашей аптекой?! За каждую баночку отечественного крема, даже использованную, они дают две... нет, целых три упаковки нового французского крема! Хотите убедиться в этом прямо сейчас? Вперед! Вам, конечно, скажут, что понятия не имеют, в чем дело... Не сдавайтесь! Настаивайте на своем! Несите в аптеку пустые баночки – получайте полные!

Ах, да. Чуть не забыл главное. По особому благу, только для избранных, меняют еще и тюбики из-под помады. Старые – на новые! На французские! Больше двух – не дают, но я вам организую три. По благу! Предварительная запись – по особо секретному отборочному списку. Только для самых посвященных! Список – у моей жены Тамары Александровны, которая обожает все французское, но отлично умеет хранить тайны и будет молчать, как партизан на допросе...

От избытка полезнейшей информации глаза Трогательной Флоры увеличились вдвое, а уши-локаторы Аделины Филимоновны, которая подслушивала этот бред с расстояния трех метров, – увеличились втрое! Аделина Филимоновна преподавала пение в нашей школе и сольфеджио – в музыкальной, на остроту слуха не жаловалась и посчитала долгом подключиться к разговору:

– Я всегда знала, что выбрасывать ничего нельзя! Нет слов, как я благодарна...

Ноги сами собой несли ее к заветной аптеке, к французскому шарму. За ней устремилась Трогательная Флора.

Папа тормознул обеих дам на взлете и, придерживая за локоточки, проронил:

– Ой, что я наделал! Я, кажется, выдал большой секрет... Впрочем, вы же серьезнейшие благороднейшие дамы, я на вас полагаюсь, я просто уверен, что вы никому не ра...

Досказать не удалось. В одно мгновение Флору Амбросьевну и Аделину Филимоновну сдуло ветром в направлении аптеки. Вслед им летели папины предостережения:

– Только между нами говоря... и ни-ко-му больше!

Что произошло дальше, нетрудно догадаться, учитывая, что ближайшей подругой Аделины Филимоновны была биологичка Бронислава Арефьевна, а соседкой Брониславы Арефьевны – школьная медсестра Агнесса Гавриловна. Через кратчайшее время вся учительская, игнорируя протесты Тамары Александровны, дружно составляла список желающих приобщиться. И чем настойчивее отрицала Тамара Александровна, тем длиннее становилась очередь.

Бремя секретов отягощало непосильно. По самому секретнейшему секрету (сугубо конфиденциально!) – распределяли бонус! О-ка-зы-вае-т-ся, использованные лавровые листочки *обновляют* в райпотребсоюзе (именно там, и только там), а потом плетут из них веночки! Все посвященные в секреты дамы без стеснения охотились за лавровыми листочками в школьной столовой, вылавливая их из супа, солений и жаркого, чтобы обменять на целый лавровый венок.

И при чем тут мой папа? Не виноват же он, что у Трого-

тельной Флоры и ее ближайшего окружения – недержание чужих тайн, а тайны для того и существуют, чтобы их никому не рассказывать. Кроме того, в устах такого импозантного мужчины любая навешанная на уши простая лапша типа «макарон по-флотски» приобретала изысканный вкус «боло-неза». Отсюда и ажиотаж!

Теперь вы понимаете, почему мама была такой паникершей? Основания для беспокойства у нее-таки имелись, ведь папа *уже* совершил все мыслимые и немыслимые (ужасные, с маминой точки зрения) поступки и был на грани отчисления, а я *пока еще* не совершила тех жутких поступков, расплата за которые неминуемо настигнет меня, если я не буду слушаться маму.

Зачем очищать живой родник? Если его без конца фильтровать и дезинфицировать, он превратится в сосуд с дистиллированной водой. Моя правильная мамочка хотела, чтобы я шла по ее лыжне, смотрела на мир ее глазами, думала ее мыслями. И была прямой, как линейка, и предсказуемой, как транспортир.

Работа над ошибками, замороженные тусы, смертоносный борщ, просто Мария и римский папа

Приступы педагогического рвения мы с папой называли «Головомойка на ковре, или работа над ошибками». Мамин педагогический пыл горел, не угасая. «Я иду по ковру, ты идешь, пока врешь, мы идем, пока врем, вы идете, пока врете»... Работы над ошибками – ого-го, непочатый край. Все промахи скрупулезно фиксировались и при любом подходящем случае припоминались. Если на повестке дня не за что было «мыть голову» сегодня, на составные части разбирались ошибки столетней давности. Включая, что сказал сосед дядя Ваня, когда мне было пять лет.

Все головомойно-воспитательные моменты начинались по-разному, заканчиваясь одинаково. Если я буду вести себя скверно, то скачусь по наклонной плоскости в жизненную пропасть, оставляя далеко позади соседа дядю Ваню с супругой Марьей Алексеевной. И все люди осуждающе скажут: «Она не слушала свою маму!» А Ильф и Петров уже давным-давно сказали: «Пилите, Шура, пилите... Они золотые».

С папой мы ладили всегда и во всем. Нас сближали ужасные общие гены и мамина словесная экзекуция. Регулярное

забивание гвоздей в наше дерево помогало нашему совершенствованию, как мертвому припарка. Новые гвозди выростали, как грибы после дождя. Работа для молотка находилась всегда, а дереву – по барабану, но однажды я нечаянно залила знаменитым маминым вареньем папин аккордеон, и разгневанный папенька бросил в меня... трусами. Да-да, трусами.

Зачем подозревать самое ужасное?! Папа заносил в дом с мороза здоровенный тазик со стиркой и, увидев свой аккордеон в «замурзанном» виде, бросил в меня первым, что подвернулось под руку – своими семейными трусами, которые не успели оттаять!

Вы видели вещи, после стирки побывавшие на морозе, да еще накрахмаленные? Вот-вот. Несгибаемо-негнущиеся, твердые, как доска, свежезамороженные трусы с олимпийской символикой, внушительными размерами напоминающие флаг корабля, —просвистели мимо моей головы и, потрескивая от напряжения, врезались в сервант.

О-хо-хо. Разбитую любимую мамину вазочку пришлось срочно реставрировать. Мы с папой быстренько собрали бедняжку воедино, втихаря склеили, сварили для прочности в молоке и поставили на ту же полочку. С тех пор я проявляла небывалую заботу о посуде в серванте, лично смахивая оттуда пыль и, коварно поглядывая на папеньку, вполголоса напевала песню «Капитан, капитан, улыбнитесь! Ведь трусы – не флаг корабля...»

Шантаж – средство воспитания родителей детьми. Антипедагогическое, но результативное. Папа смущенно улыбался, а я, вредничая, заводила новую песню: «По утрам, надев трусы, не забудьте про часы». Без часов мужчина как-то не смотрится, не правда ли?

«Вышибая дух из своего ближнего, не принимай это за борьбу с идеализмом».

(Э. Кроткий)

Мои родители, как два берега одной реки, существовали параллельно, соединенные мостиком, который вот-вот рухнет. Этим мостиком, пошатывающимся под тяжестью родительских амбиций, была я. Отношения между «берегами» отличались принципиальными разногласиями, не похожими на бурные баталии семейства Антоненко-Антониони. У Гали с Педро табуретки летали, как перелетные птицы, чашки-блюдца запускались со снайперской точностью, синяки и кровоподтеки наставлялись с завидной регулярностью, но после всех этих катаклизмов всегда наступали мир да любовь.

Словесные мега-прения и мега-трения семейства Сокольских не подлежали никаким соглашениям! Требовательная и придиричливо-мнительная мама не желала принимать папу таким, каким он был на самом деле, а папа не поддавался ни переделыванию, ни перевоспитанию, невзирая на маминны педагогические таланты. Однажды он кощунственно замахнулся на самое святое – мамину родню, разыграв ее сест-

ру Сару!

Муж тети Сары, Василий Степанович Иваненко, видный профсоюзный деятель, настолько входил в «верха», что был допущен к общению с иностранцами. Тетя Сара...

Х-м-м... Небольшой экскурс в семейную историю. Подлинное свидетельство о рождении на имя Сары Ароновны Шапиро *нечаянно* сгорело при пожаре, который (надо же такому случиться!) свирепствовал именно в том месте, где хранились метрики. Пожар был очень кстати. Называя еврейских детей ярко выраженными еврейскими именами вне погружения в ярко выраженную еврейскую среду, еврейские родители совершают моральное детоубийство. Имя Сара оказалось под строгим запретом и никогда не произносилось. По всем документам тетя Сара, которой досталось самое еврейское имя, числилась украинкой Светланой Александровной Иваненко.

Кстати, Александровнами, но не украинками, были Мара и Тамара. Завуч Ирма Эдуардовна считала, что ученикам трудно выговаривать непривычно-неприличное отчество Ароновна. Учитывая, что Александровна – длиннее, а Эдуардовна – сложнее Ароновны, это была спорная легкость, попросту – дань ассимиляции.

Итак, по рекомендации обкома партии Василий Степанович Иваненко приглашает к себе в гости иностранного гражданина, подданного страны Бамбумбия. Пожить в социалистическом раю, в советской семье, в гуще народа, разделить

хлеб-соль с простыми советскими проф-партизантами.

Супруга Василия Степановича, вне себя от важной миссии, готовила все блюда собственноручно и на кухню не допускала даже мухи, с понятной гордостью оповещая подруг, соседей, коллег и родственников, чем будет кормить заморского гостя. В меню значились блюда национальной украинской кухни: борщ с пампушками, домашняя колбаска, ветчинка, пирожки с вишнями, вергуны, голубцы, крученики, вареники, жареные в сметане карасики, домашняя наливочка...

Визит прошел на высоком уровне, обе стороны остались довольны друг другом.

После отъезда иностранца, который оказался негром, по имени, если я не ошибаюсь, Пумбу-Мумбу, в квартире Иваненко раздался телефонный звонок.

Незнакомый голос был очень строг:

– С вами говорят из Министерства Иностранных Дел. Нас интересует два вопроса. У вас гостил гражданин Бамбумбии мистер Пумбу-Мумбу? Чем вы его кормили?

Са... Светлана Александровна чистосердечно, без всякой задней мысли, доложила:

– Конечно, гостил. А ел – все, что давали! Добавки просил, аж за ушами трещало.

Голос приобрел зловещий оттенок:

– А знаете ли вы, уважаемая Светлана Александровна Иваненко, что подданный государства Бамбумбия гражда-

нин Пумпу-Мумпу после визита к вам лежит в реанимации инфекционного отделения областной больницы?! С острым желудочно-кишечным отравлением!!! Так чем вы его кормили?! Отвечайте! Чистосердечное признание облегчит вашу участь!

Светлана Александровна обреченно похолодела и, позабыв о статусе супруги профсоюзного босса, пролепетала, запынаясь от ужаса, как простая колхозная баба:

– Д-да я ж н-ничем таким его и не корми-ила-а-а...

– Так вы хотите сказать, что в вашем доме иностранный гражданин Крамбо-Брамбо святым духом питался?! Вы что же, голодом его морили?! – безжалостно чеканил голос в трубке, забивая словесные гвозди не хуже Тамары Альсанны Сокольской, родной сестры Светланы Александровны Иваненко.

Светлана Александровна Иваненко охнула и взвыла, как на похоронах.

– Мой вам совет: молитесь, чтобы он выжил! – сказал голос таким каменным тоном, что Светлана Александровна вмиг выключила причитания и, оборотившись статуей, застыла с телефонной трубкой в руке.

Кошмар продолжался. Из трубки слышалось:

– Если помрет этот Крумпо-Брумпо... Осложнения в международной обстановке – это ми-ни-мум из того, что может быть! Вы меня слышите? Ждите! К вам приедут из санэпидемстанции для взятия проб на микрофлору с ва-

шего пищеблока! Особенно нас интересует борщ! Приказ: холодильник не открывать и ничего оттуда не брать! Дело – труба!!!

Когда у Са... Светланы Александровны все было хорошо, она прекрасно обходилась без Мары и Тамары. Но тут запахло жареным! Запутавшись в эмоциях, Сара вызвала еврейские мозги на семейный совет, имеющий кодовое название «вязальный кружок».

Великолепная пятерка в составе Сары, Мары и Тамары, а также Доры и Элеоноры, ломала голову, как выйти из положения. Тучи сгущались над карьерой и благополучием семейства. Вдруг докопаются до еврейских корней супруги? Если копанут еще глубже, могут откопать еврейские корни самого Василия Степановича, по отцу – Иваненко, по матери (тс-с-с!) – Рабиновича. Да пришьют происки израильской военщины! А вдруг этот Мамбу умрет? А вдруг он мусульманин? А борщ-то (смертоносный!) был со свининкой... Может, позвонить в инфекционное отделение и спросить о состоянии здоровья этого... как его правильно называть? Пумбу-Мумбу? Пумпу-Мумпу? Крамбо-Брамбо? Крумпо-Брумпо?..

В пылу стенаний-причитаний тетушки не заметили, как свояки Василий Иваненко и Михаил Сокольский друженько вошли в дом, прошествовали на кухню, спокойнехонько достали из холодильника кастрюлю того самого криминально-смертоносного борща, разогрели и с аппетитом скушали

под ледяную водочку. Пунцовые от волнения тетушки с валокордином в руках продолжали прения, но папа показал пустую кастрюлю и невозмутимо объявил, что международный скандал откладывается по причине отсутствия улик.

– А как же министерство иностранных дел?..

Папа взял пустую чашку, поднес ко рту, как микрофон. Раздался голос человека из телефонной трубки:

– Министерство иностранных дел сообщает: международный скандал, как и конец света, отменяется по техническим причинам!

Все, что было потом, дальнейшему описанию не поддается! Этот розыгрыш был последней каплей в чаше мамино-го терпения. Мои родители с облегчением расстались. Мамин словесный молоток забил последний гвоздь в счастли-вом избавлении друг от друга, как на аукционе: «Продано». С удвоенным усердием мама сосредоточилась на мне, ударяя по моему разгильдяйству, бездорожью, бюрократизму и все-му остальному, к чему призывали Ильф с Петровым, Мака-ренко с Корчаком, Дзержинский с Крупской – и Песталоцци.

«Если бы он запачкал брюки разными красками, он не стал бы лгать вам по этому поводу, но все же создал бы впечатление, что испачкался, скатываясь с радуги».

(М. Твен)

Ах, да! Вы же не видели моего папу в белых штанах. Именно штанах, а не брюках! Их стрелочки наглаживались

через газетку. Процесс напоминал священнодействие, никому не доверялся и сопровождался распеванием песен из репертуара Адриано Челентано, Тото Кутуньо и Джанни Моранди. Папа любил все итальянское.

Мама (по понятным ей причинам) не любила итальянское, будучи любительницей всего французского: французских духов, французской косметики, французской кухни, французского шансона и (страшно подумать!) французов как мужчин в самом прямом смысле этого слова. Когда мама говорила папе, что ее душа рыдает, я представляла мамину рыдающую душу с молотком в руке (и с алой гвоздикой в петлице), поющую «Марсельезу» в дуэте с Лидиным Аленом Делонем. Изрыдавшаяся мамина душа не смогла по достоинству оценить моего папу, хотя он (тоже итальянец нашелся!) мог бы проявить уважение к маминым симпатиям и спеть песню Жака Бреля «Не покидай меня».

Мама миа, Санта Мария, Санта Лючия (читать, как молитву). Папа в белых штанах. Камера наезжает. Красавец-мужчина, популярный, как оскароносец, мечта всех дамочек бальзаковского возраста. В белых штанах, да еще разведенный! Галя Антоненко-Антониони величала сие явление – «туши свет и ложись». Рио-де-Жанейро меркнет!

Пока мама изображала из себя царицу Тамару, за моим бравым папочкой враз выстроилась очередь из особ женского пола, безоговорочно жаждущих связать с ним руку, сердце и другие важные органы, а также совершать уход за его шта-

нами. Та-акая вакансия освободилась! Как не упасть штабелями? Позабыв покой и сон, позабросив кухню, стирку, уборку, мужей и даже детей, оттесняя друг друга локтями, любвеобильные дамы начали интригоносные маневры, но не тут-то было!

На арене боевых действий вырисовалась тяжелая артиллерия в виде... папиной первой жены. До женитьбы на моей маме папа был женат на простой украинской девушке Марусе. Почему они расстались, семейная история умалчивает, намекая на бабу Риву, но красавица Маруся, девушка не промах, вышла замуж за пожилого итальянца Карло Беллини и укатила в Италию, в город Рим. Овдовев, бывшая Маруся, а ныне – просто Мария, недрогнувшей рукой возвратила былое достояние – увезла моего папу в Италию. К тому времени бабы Ривы уже не было в живых, иначе она была бы против, а у меня не появился бы самый настоящий римский папа, подшучивающий:

– Ура! Наши взяли Ватикан, до Букингема – рукой подать. Если дело пойдет такими темпами, я доберусь до Белого Дома и до хижины дяди Тома! Не волнуйтесь, я знаю, как жить дальше! Все в моих надежных руках!

Папа выжил бы и на Крайнем Севере среди тюленей и оленей, но так уж случилось, что Италия была в надежных руках папы, а я – в надежных руках мамы.

Математические катастрофы, шпионские страсти, шкворчащий Шопен и оживляж школьного антуража

«Знания нужны в жизни, как винтовка в бою».
(Н. К. Крупская)

Все школьные предметы давались мне легче легкого, но цифры навевали тоску зеленую и желание спастись бегством. Я и математика были несовместимы, как тетя Мара и крепкое здоровье, как мама и благодушное настроение, как дядя Ньюма и железный характер, как паранджа и декольте. Короче, как лед и пламень!

В младших классах со мной (вернее, за меня) задачи увлеченно решала мама. Изнемогая от скуки, я сидела рядом, прикованная математическим капканом за ногу. Когда мама, управившись с моим домашним заданием, подсовывала листок с готовым решением, я облегченно вздыхала, сооружала лицо поумнее и переписывала готовые примеры в тетрадку, стараясь не наделать ошибок. Папа у Васи силен в математике, как и моя мама. Я была наравне с Васей.

Умное выражение лица не повышает ясность ума и помогает лишь до поры до времени. Мы с точными науками игно-

рировали друг друга и сосуществовали параллельно, не пересекаясь, но в старших классах началась настоящая катастрофа.

Я блуждала в дебрях математических лесов. Я тряслась по кочкам и ухабам непроторенных математических дорог. Я камнем шла на дно математических морей, даже не пытаюсь выплыть. Я тупела и погружалась в медитацию, мечтая поскорей окончить школу и забыть об этой чертовой математике! Мои мысли лениво разбрелись, как тигры и львы по теплоходу в фильме «Полосатый рейс». Призывы «спуститься с небес на землю» помогали, как зайцу стоп-сигнал или корове – седло. С одинаковым результатом.

У мамы иссякло терпение. Семейный совет принял мудрое решение – репетитор, и самый лучший! Им оказался молодой аспирант, поклонник моей кухни Элизы Ривкин Михаил Маркович. Поговаривали, что его затирают на кафедре, и он, – то ли из-за желания быть поближе к предмету своей любви, то ли из-за желания пополнить свой бюджет, то ли из-за желания сеять разумное, доброе и вечное, – преподавал математику в нашей школе.

Ха-ха-ха! Улучшить мои математические способности самым потрясающим учителем – все равно, что приставить великого скрипача к ребенку без музыкального слуха. У одного – ноты, у другого – боты. Скрипач – со скрипкой, киндер – с барабанчиком. Дедушка сказал бы: «Не тратьте, кума, силы». Ой, вэй!!! Мама дорогая, знала бы ты, к чему это при-

ведет...

В отличие от математики, с музыкой у меня была взаимная любовь и лавры бесспорной примы. На мои дворовые концерты приходила вся улица. В свое время дальновидные соседи с похвальной стойкостью выдержали известие, что я буду учиться «на музыку». Возможно, они были хорошо воспитаны. Возможно, радовались, что пианино и аккордеон – не кларнет, не тромбон, не ударная установка и не орудие пытки. Чего стоило выдержать мои первые музыкальные поползновения, можно только догадаться. Вы ж понимаете, чем больше ребенок просиживает за инструментом, тем больше головной боли он доставляет соседям и тем меньше головной боли доставляет родителям. Особенно, если это еврейский ребенок, просто обязанный играть «на музыку».

Терпели не зря: хор под управлением Элины Сокольской был покруче хора имени Пятницкого! Зрители (они же – артисты) приходили семьями со всей улицы, оставив любые дела, даже самогоноварение. Кому не хватало места на лавочках, приносили с собой стулья. Концертный и зрительный залы сливались воедино. Записочки с заявками складывались в клетчатый берет Сержа Макогоненко, а Педро Антониони, приставленный к аккордеону, торжественно выносил тяжеленное перламутровое чудо во двор.

Репертуар был «всеядный»: от хризантем, которые расцвели в саду до «Пидманула-подвела». Любая мелодия подбиралась по слуху, фестиваль песни длился часами, вся ком-

пания получала истинное удовольствие, бурно аплодируя. Любимые фрагменты шли на «бис», как в лучших традициях оперного искусства, но если бы сие великолепие коснулось утонченных ушей почтенной Флоры Амбросьевны... Она бы в ужасе проглотила свою деревянную линейку вместе с мухобойкой! Она бы сгрызла свою подушку в тоскливых конвульсиях под стук метронома! Она свалилась бы в обморок, приравняв услышанное к музыкальному извращению, кощунству, неблагозвучию, дурному вкусу и (о, жуть!) попранию авторитетов!

Как можно после изысканного Моцарта, не остывшего на клавиатуре, «бацать» вульгарную «Мурку» и «Очи черные»? Да еще в ритме танго?!

Эх, не слышала Трогательная Флора глас народа. А между прочим, сам дядя Ваня Шпыгун, утирая сентиментальную слезу от песни «Созрели вишни в саду у дяди Вани», сказал: – Мне по барабану Станиславский! Вот это – *жизненная* музыка, а не какой-то задрипанный Шульберт!

«В руках таланта все может служить орудием к прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному». (Н. В. Гоголь)

Но вернемся к математике. Чтобы не предстать перед репетитором Михаилом Марковичем в неприглядном свете, я решила, как бы между прочим, показать мои бесспорные таланты, а потом уже перейти к спорным. К математическим талантам, основанным на тупизме и неврубизме (с уклоном

в дебилизм-кретинизм), мы успеем дойти всегда.

Миша увидел чудную картину. За фортепиано сидела интеллигентная девочка из хорошей еврейской семьи и, прикрывая глаза в особо патетических местах, играла «Ноктюрн» Шопена. Ресницы шуршали, как крылья бабочки, журчащие звуки слетали с клавиатуры. Поэтичнее зрелища не сыскать. Боевая готовность, как у Прони Прокоповны из пьесы «За двумя зайцами»: «Барышня лягли и просятся. Папироска аж шкварчить». Вместо папироски шкворчал Шопен.

Сраженный наповал Миша шутливо схватился за голову, потом за сердце и, плюхнувшись на диван, весело поведал:

– А меня не приняли «на музыку»! По причине полной непригодности! В знаменитую одесскую музыкальную школу имени Столярского, откуда вышли Рихтер, Гилельс, Коган. Представляешь, летом у старинного рояля прямо во дворе идет отбор талантов. Толпа разодетых в пух и прах детей, родителей, бабушек и фанатов-родственников. А я сам пришел и сказал, что хочу тоже! Картина маслом: к председателю комиссии подходит шестилетний еврейский мальчик, без мамы, с учебником шахматной теории под мышкой и абсолютно уверенно, хорошей речью говорит, что хочет быть принятым! Меня прослушали в обход громадной очереди, кто может отказать? Сдерживая хохот, попросили прийти с мамой. Еле-еле удалось отговорить! Петь я обожаю, но... На моих ушах медведь станцевал менуэт! Мое пение

сводит с ума, настолько это ужасно. Вместо «браво-брависсимо» меня умоляют – «прекратиссимо», но математика – как музыка, а физика вообще читается, как роман. От математического анализа можно просто ошалеть. Нет ничего прекраснее: сходящиеся последовательности, пределы, производные, интегралы... Так красиво, ты не представляешь!

Я представила. И призадумалась. Какой мыльный шарик не мечтает стать пушистым облачком? Если человек без музыкального слуха любит музыку, может, стоит попытаться полюбить математику? Вдохновившись не на шутку, я устремилась на штурм недостижимых математических горизонтов.

Миша направил мою энергию в нужное русло. Под его чутким руководством я обучилась... искусству создавать шпаргалки. Чем не секретная лаборатория для шпионских игр с шифровками и паролями? Делюсь опытом. Инструкция для правшей: полоса складывается гармошкой под размер руки. Очень удобно листать большим пальцем. Левая рука, в которой гармошка, непринужденно лежит на столе. Правая в это время старательно пишет. Никакой суеты! Важную роль играет выражение лица: сосредоточенно-углубленное, как у дяди Ньюмы, когда он ест любимую селедочку.

Подготовка прошла успешно. Новая Мата Хари овладела навыками незаметно извлечь шпаргалку, замаскированную между пальцами рук, спрятанную в рукаве, скатанную в трубочку-карандаш за ухом, вложенную между коленями, в обуви и прочих тайниках, которые полагается знать професси-

ональным секретным агентам. Меня не разоблачили бы ни ЦРУ, ни ФБР, ни ФСБ, ни Моссад, ни МУР. На крошечной «гармошке» я мелким почерком умудрялась поместить уйму материала, который прорабатывала перед тем, как написать. Фокус прост, как Пашка Духопел со штангой в обнимку: пока пишешь, запоминаешь написанное, а у доски выдаешь сносные результаты, приятно удивляясь собственным познаниям. Потрясающий обучающий эффект. А шпаргалочные бомбы? Перед экзаменами мы записывали ответ на каждый вопрос билета, «бомба» опускалась во внутренний карман. Садись, тихонько пальчиками отсчитываешь, вытаскиваешь... и можно отвечать. Правда, «бомбы» тоже остались оружием, не примененным на практике.

Папа у Васи силен в математике! Мама перестала ужасаться, что точные науки испортят мой аттестат. Я стала делать успехи. Не знаю, что творится в голове у дрессированных собачек, бойко вытягивающих цифры на арене цирка, но мои вправленные мозги гудели все меньше, а математические красоты, которыми восторгался Миша, стали намного доступнее и понятнее. Однако, авантюрные папочкины гены подсказывали: если буду хорошо знать математику, мне не понадобится репетитор, а это в планы не входило.

– Линчик, выучи на завтра параграф такой-то, – говорил мой стратегический союзник, пряча в глазах лукавинку. – Буду спрашивать. Готовься.

Я шла учить параграф, думая, что обвела вокруг пальца

учителя. На самом деле он перехитрил меня. Заучивая определенные формулы, теоремы, правила, запоминаешь лучше, а если *заранее* предупреждают довольно часто... Я в самом деле что-то знала и даже участвовала в «гонениях отличников»: их гонял весь класс по всему материалу, а чтобы задавать каверзные вопросы, надо знать на них ответы. Ключ к знанию – понимание. Математику я по-прежнему не любила. Я любила математика!

Я влюбилась в Мишу с пылкостью шестнадцатилетней девочки, в голове которой перемешались алые паруса, заоблачные дали, добрые феи, благородные рыцари, а также математические катаклизмы, музыкальные параллели, шкворчащий Шопен и шпионские страсти вместе с мамиными нравами.

Я любила его одного больше, чем все человечество сразу. Я таяла в лучах его обаяния, как тает мороженое на блюдечке. Он мог бы черпать меня полными ложками, если бы захотел. Это из-за него мне хотелось каждое утро идти в школу. Когда объект моей любви проходил по школьному коридору, у меня начисто отшибало здравый смысл. Я забывала, где нахожусь, а в голове, бушующая, толпились все виды мыслей, кроме математических.

Из каждого человека прет то, чего в нем много. Из меня пёрли явно не логарифмы. Если разрыв гипотенузы не существовал как таковой, что же тогда так трещало в моей голо-

ве?..

В Мишином лице не было ни одной правильной черты: подбородок – тяжеловат, брови – широковаты, нос – крупноват, скулы – высоковаты, но все это сливалось в такую удивительную гармонию, что мимо не пройдешь. Обязательно оглянешься, и не раз.

Я не могла на него наглядеться. Ищу слова и не нахожу. Сказать, что он был брюнетом с ранней сединой на висках? Миллионы брюнетов с ранней сединой на висках бредут перед зеркалом, шагают по улицам, читают утренние газеты, смотрят вечерние новости и едят борщ. Сказать, что у него были карие глаза? На свете миллиарды обладателей карих глаз, но от *его* глаз исходил такой живой теплый свет... А смех? Когда он смеялся, в моей душе расцветал яблоневый сад, а воздух вокруг накалялся, просверкивая электрическими разрядами, вопреки всем правилам противопожарной безопасности.

Влюбляются в лучших. Я наслаждалась каждой минутой общения. Чтобы не наделать глупостей и ничего не испортить, я задумчиво сверлила взглядом ямочку на его подбородке, прокручивая в голове, как он посмотрел, что сказал. И не искала в его словах второй смысл, зная, что не найду. У меня не было возможности показаться предмету своего обожания в самом выигрышном виде. И потом, меня слишком хорошо воспитывала мама. Я не была для Миши яблоневым райским садом. Скорее, подорожником, который рос

в том саду. Если бы неприметный подорожник попытался открыть свое сердце, Миша здорово бы удивился: щебечущий подорожник?!

«Чтобы переварить знания, надо поглощать их с аппетитом». (А. Франс)

Миша был за-ме-ча-тель-ным во всех отношениях. Его тоже слишком хорошо воспитала мама. Он обращался к ученикам на «вы»!

– Вы почему опоздали на урок? – безукоризненно вежливо спрашивал он у сопливого шестиклассника Вадика Крутько.

– Гы-ы-ы... – вытирая нос рукавом, стыдливо отвечал Вадик.

– Настоящие джентльмены не опаздывают. А я верю в то, что вы – настоящий джентльмен, – абсолютно серьезно говорил Миша.

Все лоботрясы старались быть настоящими джентльменами и, к всеобщему удивлению, повышали успеваемость. Заржавленные стоячие воды в мозгах хронических двоечников прочищались вантузом ривкинских объяснений, да так, что от зубов отскакивало. Михаил Маркович подавал материал глубже, чем в учебниках, а на уроках информатики и вычислительной техники обучил ребят писать программы на настоящем Фортране, который был в ходу в вычислительных центрах.

Второй школьный математик из-за черной повязки на гла-

зу имел сразу три прозвища: Кутузов, Одноглазый Джо и Циклоп. Объяснял он плохо, а топил и валил – ого-го. Каждый урок начинался мрачным приветствием: «Алло! Народ, я пришел! Топить буду всех!»

Свирепый старый Циклоп Кутузович не шел ни в какое сравнение с молодым неженатым Мишей Марковичем, которого я прозвала Винни-Пухом за походку вразвалочку и любовь к постоянным перекусываниям. На симпатичном математике бойкие старшеклассницы оттачивали женские чары, строя глазки по всем правилам глазостроительного искусства. Винни-Пух краснел, смущался, старался вести себя построже, чтобы как-то противостоять энтузиазму девушек, стремящихся овладеть его сердцем, желудком и прочими важными органами. С ним неумело, но настойчиво кокетничала даже учительница биологии, старая дева Бронислава Арефьевна Конопелько, похожая на озабоченную курочку-пеструшку, которая пытается заманить на свой насест самого интересного петушка в курятнике.

Проверяя Винни-Пука на прочность, мальчишки на уроках подкидывали вопросы типа:

– А как вы измеряете объем окружности у вашей девушки?

Тот ответил автоматически, не задумываясь:

– Для окружности важен радиус. Его меряют циркулем или линейкой, а дальше считают длину окружности по формуле $2 \text{ Pi } \text{Эр}$.

Ученики взорвались хохотом и выпали в осадок, съезжая под парты. Что могли иметь в виду такие оболтусы, как Пашка Духопел? Естественно, окружность груди! Измерение оной с помощью бюстгальтера. Без формулы, на ощупь. Винни-Пух быстро пришел в себя, забросав любознательных вопросами, требующими смекалки, в том числе и заковыристыми: как можно измерить у девушки другие окружности. По формуле, без ощупи.

Когда весь пыл уходит на ответы, тут уже не до окружностей девушек, но в школьной программе немало других возможностей поострить. Кроме математики, Михаил Маркович вел физику. Благодатная тема «Сила трения и роль смазки для уменьшения этой силы» вызвала выразительную миимику желающих выяснить, какие виды смазки применяются при тесных телесных контактах с девушками.

Поигрывая гормонами, мужские особи смаковали радость победы, но отвечать на каверзные вопросы для Винни-Пуха – чисто мед из горшка доставать. Сказал, как отрезал:

– Если к делу подходить умело, то смазка не требуется. Не умеете, не беритесь.

М-да-а... Со всей прямоотой интеллигента, куда уж яснее. Все равно, что оперной примадонне взять верхнее «ля».

Народ посрамленно скис, но не угомонился, задействовав для оживляжа школьного антуража другие развлекалочки. Умыкнув из подсобки школьной технички Шуры Халыменды живого петуха... Вы спросите, как петух оказался в под-

собке? Да очень просто: короля курятника ранним утречком презентовал Шуру вместо букета цветов слесарь-ремонтник Серж Макогоненко. В надежде провести приятный вечерок в компании с предметом любви Шуруй и с петухом в виде кулинарной продукции. В общем, совместив Шуру и холодец.

Чтобы наверняка сразить Сержа, Шура (*фурсить так фурсить*) разжилаась *недельчатými* трусами вместо панталон и даже нацепила *капронки*. Пока она, *принципиально* пренебрегая служебными обязанностями, бегала в ларек добывать лаврушечку, петрушечку, морквушечку и черный перец горошком, пряткие пацаны умыкнули петуха и, связав ему ноги, затолкали в коробку, оставив щелки для воздуха.

Заклеенную коробку, перевязанную кокетливым бантиком, оставили на учительском столе. Коробка хранила таинственное молчание. Петух, как по заказу, сидел тихо: то ли ошалел от темноты, то ли решил, что ночь на дворе.

Математик явился. Поглядывая на стол, стал рассуждать логически:

– Коробка-то с сюрпризом? Судя по габаритам, не слон. Что там у вас? Не курицу ли подсунули?

В глазах плясали чертики. Казалось, ему хочется покинуть класс, чтобы отсмеяться, но надо же оправдать ожидания и заглянуть вовнутрь. Винни-Пух осторожно приоткрыл крышку. Увидев свет, король курятника с перепугу каканул, выскочил со связанными ногами, как черт из табакерки... И,

резво махая крыльями, выдал гладиаторские прыжки. Балет «Спартак» Хачатуряна! Не хватало только фонограммы «Танец с саблями». Впрочем, больше, чем на гладиатора, красно-коричневый петух смахивал на цыганенка Яшку из фильма «Неуловимые мстители» – такой же горбоклювый, только без гитары и серьги в ухе. Со всем боевым запалом королевское высочество рвануло в наступление – мстить за поруганную честь, яростно изрыгая проклятия на петушином наречии. Жаль, что не слышали цыплята: обогатили бы словарный запас новой порцией курино-петушиной нецензурщины.

– Неплохо, но танец маленьких лебедей в одиночку не потянет, – с интересом наблюдая за пляской темпераментного петуха, в экстазе выделяющего все новые и новые па, – сказал Михаил Маркович. – Лебедей бы сюда, а?

Танцор-гладиатор неожиданно затих, склонив голову набок. Математик вышел то ли за директором, то ли за лебедями. Класс молчал, петух – тоже, а я так переживала за Мишу, будто половина курятника крепкими клювами больно клевала зерно прямо на моем темечке.

Михаил Маркович вернулся с магнитофоном, вставил кассету: «Вдох глубокий, руки шире... Не спешите, три, четыре! Бодрость духа, грация и пластика»... Технические средства помогают соединить несколько видов искусства воедино. Уважительно слушая Высоцкого, петух захлопал крыльями, пытаясь соответствовать. Миша выключил магнито-

фон, поставил перед гордостью курятника чашку с водой и невозмутимо объявил:

– Комплекс утренней гимнастики окончен. Приступаем к водным процедурам.

Крылатый красавец пил воду, запрокидывая кверху клюв и укоризненно выискивая в глубине класса своих обидчиков. Те делали вид, непричастный к содеянному. Урок математики продлили за счет перемены, а петуха (вместо холодца) отправили в живой уголок детского сада. Бывший диверсант-лазутчик мирно поклевывал зернышки, залиvisto кукарекая. Детишки пели поп-шлягер «Петушок, петушок, золотой гребешок».

Благополучный финал подпортила разгневанная владелица петуха Шура Халыменда, обнаружившая свою пропажу в детском саду и *принципиально* заявившая о праве на частную собственность, на холодец и на личную жизнь! Чувства Шуры – понятны, как надежда поменять фамилию Халыменда на фамилию Макогоненко, но кто ж посмеет разрушить пасторальную идиллию? Против детишек не попрешь. Детишки – это наше все.

Спасение красавицы от чудовища, противопожарная безопасность в пустыне Кара- Кум и вальс на трех сковородках

«В юности романтика так же необходима, как фосфор телу». (И. Эренбург)

Однажды Мужчина Моей Мечты, сам того не подозревая, спас меня от дракона, если можно считать драконом ужа. Накануне урока биологии мальчишки притащили ужа и внедрили в портфель двоечницы Наташки Казаковой, сидевшей рядом со мной за партой.

Верный Витька, охраняя мою нервную систему от стрессов, великодушно показал ужа-нелегала:

– Молчи, как гроб. Выдашь, – убью и закопаю.

Я нисколько не боялась быть убитой и закопанной, но тайны хранила лучше всех. Во время урока мне понадобился фломастер.

– Сама возьми, – отмахнулась ничего не подозревающая Казакова.

– С какой стати я полезу в твой портфель? Не дашь фломастер, не дам написать сочинение.

Я знала, что в портфеле – уж, но не хотела осложнений

с Витькой: завтра в музыкальной школе – академ-концерт, совпавший, как назло, со сбором металлолома. Директор школы Иван Павлович был помешан на сборе вторсырья, а Витька вместо меня (и ради меня) всегда готов сдать хоть тонну металлолома, так зачем лишать людей удовольствия?

И потом, с Казаковой имелись давние счёты. Как-то, проверяя мою вороноустойчивость, Верка Фесенкова засунула мне в портфель живую ворону, а Казакову подговорила одолжить у меня десять копеек на пирожок. Я открыла портфель, чтобы достать деньги. Ворона взлетела, безобразно каркая. Чего стоило не хлопнуться в обморок, знаю только я. Гнусная Верка, оправдывая прозвище Языкатая Феська, хихикала ехиднее всех. Чтобы стало еще смешнее, я вывалила на Веркину парту все, что оставила ворона в моем портфеле. Перед тем, как вылететь в распахнутое окно, мстительная ворона прокаркала страшное воронье проклятие, которое немедленно сбылось. Отдраивая парту от вороньих кашек, Верка испортила свежееотманикюренные ногти.

По сравнению со злющей вонючей вороной тихий гладкий уж – сущий ангел, но долг платежом красен. Если, по замыслам Витькиных дружков, портфель должна открывать Наташка, то пусть открывает. Наташка раскрыла портфель. Уж, как змей-искуситель, безмолвно вывинтился оттуда и устался на Казакову.

Эффект превзошел все ожидания. Восьмидесятикилограммовая Казакова одним прыжком вскочила на парту

и пронзительно заверещала на всю школу, перекрывая звучностью визга пять бензопил «Тайга» одновременно. Хулиганы-разбойники, посеявшие весь этот страх и ужас, ликуя, толкали друг дружку локтями, злорадно переглядываясь.

Я не боялась ни ужа, ни черта лысого, но голосистая Наташка так пронзительно визжала, что под воздействием ее воплей я тоже взгромоздилась на свою половину парты, помогая Наташке выдавать качественный звук. К нам присоединилась биологичка Бронислава Арефьевна, панически боявшаяся получить от начальства втык за сорванный урок. От нашего трио, вибрирующего на всю школу, звенело в ушах. Децибелы зашкаливали предел допустимого, но директор школы был глуховат, а завуч Ирма Эдуардовна под видом похода в горно стояла в очереди за финскими сапогами.

На источник звука, прервав свой урок в соседнем классе, явился Михаил Маркович.

Биологичка, приняв позу трепетной лани на горных склонах, стала прихорашиваться. Привычный к сюрпризам Винни-Пух бесстрашно взял ужа:

– На удава не тянет. На питона тоже. И это точно не кобра.

Биологичка потрясенно молчала, глядя на живое наглядное пособие и мечтая о сильных мужских руках, которые избавят ее от этого кошмара. Полузадушенный уж измученно склонил голову на Мишину грудь.

Винни-Пух, Заклинатель Змей, выразительно покачал головой и обратился к организаторам «шоу»:

– Что ж вы, дорогие, созданий божьих мучаете? Программа «В мире животных» – надоела. Работаете по-старинке, где же дыхание новизны? Хотя бы к ножке стула веревочку привязали: учитель садится, стул убегает, а веревочка завязывается на скользящий узел и сматывается во время полета. Просто, со вкусом и никаких улик.

Математик задумчиво погладил ужа и философски добавил:

– Среди людей тоже попадаются змеи и гадюки. Похлеще настоящих.

Уж, похожий на толстую веревку, грустно соглашался. Казакова так вспотела, что мне захотелось проверить, нет ли в ее портфеле парочки скунсов. Языкатая Феська хихикала, как гиена. Биологичка от избытка чувств лишилась дара речи в надежде, что все образуется до того, как Ирма Эдуардовна вернется к руководящим обязанностям с финскими сапогами под мышкой.

В моем сердце пылали жаркие тропики, щеки алели, как красные маки в пустыне Кара-Кум. Правда, о наличии маков в каракумной пустыне я знала только по названию сорта конфет из ассортимента нашей кондитерской фабрики, но не писать же: «Я алела, как сеньора Помидора». Или: «Я алела, как революционная гвоздика в петлице Розы Люксембург». Сравнить щеки девушки с алыми маками – в сто

раз эффективнее, чем с красной революционной гвоздикой или с красными помидорами. Главное, романтично стоять на парте, чтобы все увидели хэппи-энд.

Ах! Незабываемый момент! Смотрите и завидуйте: на глазах у всего класса (и Верки Фесенковой) Миша протянул мне руку. *Он* спас меня (почти)! Я, как положено юной девушке в такой выигрышной ситуации, взлетаю в небеса. И даже (невзирая на гравитацию и угрозу пожара в моем пылающем от любви организме) умудряюсь породить любовную лирику:

«Возьми меня, мой милый, на поруки!

Я отдаюсь в твои родные руки...

Но, дорогой-любимый, не забудь,

Что грудью защищу тебя... когда-нибудь!»

Не кривите губы, порицая мое поэтическое дарование. Хотя стихи далеко не «ах», безбожно хромающие рифмы не смущали: все равно их никто не услышал. Вы думаете, я сказала это вслух? Ха-ха-ха. Я – не щебечущий щавель, но и не бессловесный подорожник: свой звездный час не упустила. Вместо слов признательности к спасителю Михаилу Марковичу я обратилась к утомленному Наташкиным портфелем ужу. Построив этой веревке глазки (не хуже, чем биологичка – математику), я представила, что уж – легендарный удав Ка из «Маугли», и сказала как можно задушевнее:

– Жаль, что у меня нет с собой фонограммы «Жалобной песни» Малера. Тебе бы понравилось!

А что я должна была сказать? Миша, ты – свет моих очей?

Моя любовь к тебе растет со скоростью геометрической прогрессии? Миша, я буду ждать, пока ты не поймешь, что только во мне – твоё счастье?

Благоразумие никому еще не навредило. Тайны украшают женщину, как шрамы – мужчину, а у каждой уважающей себя девушки есть тайны, которые не разглашаются. Недаром все вечные сюжеты замешаны на любви.

Уж пополнил число экспонатов живого уголка детского сада, а развлекательно-испытательная программа исчерпала себя как бесперспективная. Ах, да. Был еще ежик. Его посадили на стол, он пополз и, проложив мокрую дорожку, совершил акт вандализма прямо на святая святых – классный журнал. Ежик как средство осквернения классного журнала – это круто! В этом нет никакой мистики, но почему же классный журнал самым загадочным образом испарился прямо из учительской? Со всеми оценками, хорошими и не очень?

С засиженного мухами плаката туркменский писатель Б. Кербабаяев письменно увещевал: «Наша идеология – наше знамя! Пятен на знамени быть не должно!»

Караул, имущество ценное увели! Кто?! Несмотря на призывы и угрожающие предсказания последствий этого странного явления, журнал не находился. Не сваливать же на ежика или на происки ЦРУ? И не спрашивать же у нарисованного Кербабаяева?

«Принципиальная» школьная уборщица Шура Халыменда била тревогу, пытаясь придать пропаже журнала между-

народный резонанс: «Ух, антисоветчики! Шлендрают тут всякие. Начинают с петухов, потом классные журналы воруют, а потом Родину продают! А месяц назад так вааще *стуло* с калидора сперли! И *лисанет*! Разве ж это дети? *Современные* дети – это фашисты!»

Главный свидетель Б. Кербабаяев хранил молчание, а ветер разносил по школьному двору обгоревшие страницы того самого классного журнала. Винни-Пух провел расследование, припер одного-другого-третьего, вычислил виновных, но не выдал начальству никого. Больше такое не повторялось. Он любил своих учеников.

«Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана – это все равно что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей». (А. Сент-Экзюпери. *Маленький принц*)

Молодой учитель математики Михаил Маркович Ривкин проработал в нашей школе ровно три года, но перевернул всю мою жизнь, изменив ее до неузнаваемости. Сам того не подозревая, он оставил неизгладимую память о себе. Позже поймете, что я имела в виду.

Он был лучше всех. Это для него я колдовала-наколдовывала свои фирменные блины. Большой, уютный и в меру

упитанный объект моей любви всегда был не прочь подкрепиться, а мне хотелось его кормить, пришивать пуговицы, опекать. Может, у меня пробуждались материнские чувства?

Если путь к сердцу мужчины лежит через желудок, я – на правильном пути. Я зажигала сразу три газовые конфорки, на каждую ставила по сковородке. Главное – не сбиться с ритма. Сковородка номер один, на вас – ответственность за первый блин. Наливаю тесто половником – раз! Настроение – хоть оды слагай. Чтобы не утратить блины корявыми рифмами, я выдала всего одну оду, и ту совсем короткую.

ОДА ПЕРВОМУ БЛИНУ

Запомнился ты тем, что первый,
А первым быть – большая честь!
Процесс так вытрепал все нервы...
Теперь кому бы тебя съесть?

Я знаю, кому! Второй и третьей сковородкам – приготовиться. Два – переворачиваю блин на второй сковородке. Три – сбрасываю готовый блин с третьей. Красота! Раз-два-три, раз-два-три... Чем не вальс? Если для пушкого вдохновения вообразить себя хозяйственной Золушкой, хлопчущей над блинами для прекрасного принца... Исходя из ситуации, я была не Золушкой, а самым натуральным, хотя и «раздва-трикающим» Осликом Иа. Сковородки пели от любви. Линчик-Блинчик – Ослик Иа ни разу не сбилась с ритма. Тесто шипело-пузырилось-растекалось на сковородке, превра-

щаяся в румяное кружево. Горка готовых блинов на блюде росла заодно с моим нетерпением. Сейчас я увижу Мишу!

Вместо Миши на пороге возникла тетя Мара, шествующая из магазина с новым веником. Учувя приятный запах, она приткнула веник в угол и приняла позу печальной селедки, замаринованной в уксусе.

– Я еле живая... – томно оповестила тетушка, приглядываясь, принюхиваясь и присаживаясь. – Так и быть, отведаю пару штучек...

О кулинарных талантах тети Мары ходили легенды. Творожок приобретал вкус стирального порошка, лапша – вкус линолеума, компот – вкус отравы для тараканов, поэтому Мара предпочитала не угощать других, а угощаться сама. Восседавая на стуле, как на троне, в хорошем темпе алчная тетушка перекладывала блины в тарелку. И не пару штучек. Сейчас нагрянет Марин муж Ньюма, и от блинов с любовью к Мише останется скучная, освобожденная от блинов поверхность блюда. И кислая рожа тетушки Мары:

– Ох, что-то я себя неважно чувствую. Я такая разбитая... Блинчики были свежие? Что ты туда положила? После них так печет желудок! У меня – колики, будто я проглотила ежа! Может, вызвать скорую?..

Я гипнотизировала тетушку взглядом, заклиная вспомнить, что чревоугодье – грех. Как убедить ее сделать разворот на 180 градусов, вернуть блины на место и вместе с новым веником выместись из кухни? Расположившись удобно

и надолго, тетушка Мара взяла в руки красную чашку в белый горошек, чтобы почаевничать всласть, а это была, между прочим, Мишина чашка. Я берегла эту чашку, как зеницу ока.

Пришлось включить папины гены и сделать акцент на драгоценном тетушкином здоровье.

– Тетечка Марочка, я бы не советовала вам кушать блинчики, – округлив глаза, взволнованно зачастила я. – Сейчас та-а-кое было, ой, что сейчас было-о-о... Представляете, захожу я на кухню, а на столе прямо над блинами стоит кот. Одноглазый черный кот Дюндиковых! Поди знай, какой заразой он болеет. Вам что, своих болезней мало?

Между Марой и нахальным дюндиковским котом велись постоянные боевые действия. Боже, речь идет о здоровье, а Циклоп способен на все! Чистоплотная тетушка опасливо отставила тарелку и, в спешке позабыв новое помело, в трансе вылетела из кухни.

Эх, была бы я журналисткой! Написала бы статью (из личного опыта!) в женский журнал: *«Дорогие девушки! Если вы готовитесь к свиданию, ничего не пускайте на самотек. Только тщательная подготовка сделает ваше свидание идеальным. Покоряя сердце мужчины, не забывайте о самом главном – желудке!»*

– Божественные блины. Как ты их делаешь? – Винни-Пух явно скучал по домашней кухне. Если учесть, что Мишина

потенциальная теща – моя тетя Мара... Кто ж тебе скажет, дорогой Михаил? Главный компонент – любовь. Мука, яйца, молоко – все это ерунда. Если бы ты прочитал мои мысли и заглянул в мое сердце, ты бы увидел... В общем, много чего бы увидел. У меня к тебе, дорогой Винни-Пух, серьезные чувства, несмотря на мой юный возраст, и даже несмотря на то, что в школе ты – мой учитель, а вне школы – почти родственник. Чудесный старший братец, которому заботливая сестрица с любовью жарит блинчики.

Ради этого момента стоило морочиться у плиты. Для Миши я бы и слона свернула в рулет, начиная с хобота! Находясь на вершине блаженства, Винни-Пух поедал высококалорийные блины, а я поедала глазами Винни-Пуха, стараясь вести себя прилично. Он их не ел. Он их вкушал. Он расправлялся с блинами, а я сексуально (как мне казалось), раскачивала ногой. Когда *так* делала Лиза, мужчины не сводили с нее глаз, но моя прекрасная балетная нога прельщала Мишу намного меньше, чем блины. В сердце Мужчины Моей Мечты царили физика с математикой и моя кузина Элиза.

Ах, Элиза – шкатулка без сюрприза! Искусство пудрить мозги, всадник без головы и твердокаменные пальчики как оружие массового поражения

*«Мало обладать выдающимися качествами,
надо еще уметь ими пользоваться».*

(Ф. Ларошфуко)

Если следовать утверждению, что красота – главное женское оружие, моя двоюродная сестра Элиза была вооружена до зубов. Невидимая корона королевы красоты сидела на ней, как влитая, а внешность можно было описать одним-единственным словом: «Ух!» Вот так: «Ух!» Именно так: «Ух!» Коротко и ёмко. Копна медово-русых волос, брови взлет, миндалевидные глаза цвета чистого неба в пушистых ресницах, чуть припухшие нежные губы и восхитительный носик. Сногшибательная красотка, фигуристая и «при ноге». С пятью восклицательными знаками и пятью звездочками по самым высоким международным стандартам.

Элиза была старше меня на четыре с половиной года, но по части прагматичности заткнула бы за пояс взрослых. Не поступив в театральный, она заявила:

– Таланта мне бог не додал, а красота – не вечная. Фиг-

ня «Ах, Лиза, будьте моей Музой» – не для меня. Сегодня – Муза, а завтра на него двадцать таких, как я, муз слетятся. Он – налево, а я – за ним, из чужих кроватей вылавливать?! С богемой свяжись – наплачешься. Эти гениальные – все, как один, шизанутые. К ним шиза с рождения прилагается, впридачу к гениальности. Я падать ни перед кем не собираюсь. Пусть падают передо мной!

Реально оценивая свои возможности, Лиза пошла учиться «на парикмахера» и не прогадала. Первые же чаевые в кармане халатика понравились настолько, что «вышнеобразовательная» тема закрылась раз и навсегда. Не мне вам говорить. Помните время «несунов» и «несушек»?

Дядя Ваня Шпыгун трудился сторожем на мясокомбинате и имел обменный фонд в виде свежесворованной копченой колбасы. Его жена Марья Алексеевна трудилась на маслозаводе кладовщицей и имела обменный фонд в виде сливочного масла, сыра и сливок, которые выносились с завода в целлофановых мешочках и вкладывались в самые загадочные места женского организма.

Мне было страшно подумать, в какие загадочные места своего мужского организма вкладывал стыренную копченую колбасу дядя Ваня, но я точно знала, куда вкладывала шоколадные конфеты Радистка Кэт, доблестно трудившаяся лаборанткой на кондитерской фабрике. Катя уходила на работу плоскогрудая, с размером бюста «минус ноль», а возвращалась... с объемнейшей грудью, будто после накачки си-

ликоном. В чашечках бюстгальтера, как в контейнере, выносились шоколадные конфеты. В одной чашечке – «Тузик», в другой – «Мишка на севере». В домашних апартаментах несущка Катюшка расстегивала спереди застежку лифчика и вываливала оттуда гору конфет. Пахло, как в филиале кондитерской фабрики! Конфеты выносились «нагрудно», а брикеты чистого шоколада... хм-м-м, кто ж скажет?

Все потайные места свидетельствовали об углубленном претворении в жизнь знаний анатомии и даже химии. Однажды Кэт сперла из родного предприятия плитки какого-то нового концентрата для приготовления напитков, а дядя Ваня, проверяя новый продукт, откусил кусок то ли кваса, то ли морса, то ли лимонада. Вкус – так себе, ничего особенного. Поморщившись, дядя Ваня запил это дело пивком. Началась химическая реакция. Хорошо, что только пена изо рта пошла. Если бы в концентрате содержались взрывоопасные компоненты, могло бы и голову оторвать. Бац! – взрыв. И всадник дядя Ваня Шпыгун – без головы, с сухим лимонадом в желудке.

После того случая Шпыгуны алхимией не занимались. Продавая соседям свежеснесенное, гарантировали качество: – Берите, не бойтесь. Все чистое, оно хорошо было замотанное! С собой только борщ горячим не унесешь из кастрюли, а все остальное – можно!

Список ворованных предметов, не имеющих в свобод-

ной продаже, был так обширен, что пальцев не хватит загибать. Впрочем, кто воровал? Брали, кому что надо. Педро Антониони «брал» на авиационном моторостроительном заводе, где работал наладчиком... Да не моторы для самолетов, а складные детские прогулочные коляски «Тавричанка». Колясками, «взятыми» в цеху товаров народного потребления», можно было обеспечить детские ясли, и не одни, но зачем? Прогулочные коляски предназначались для натурального обмена – «дашь-на-дашь».

Моя мама, как все учителя, несла в народ разумное-доброе-вечное за символическую зарплату: кроме ученических тетрадей и контрольных, ничего с работы не выносила. Зато и тетрадей, и контрольных, – этого добра можно было брать официально, сколько угодно, не таясь, прямо с рабочего места. Бери – не хочу, и чем больше, тем лучше! Хоть грузовиками, хоть вагонами вывози. Спрятать тетради за пазуху никому из учителей, включая директора, завуча и техничку Шуру Халыменду, не приходило в голову. Работа такая. Интеллигентная.

Но вернемся к моей прекрасной кухне. Быть парикмахером в условиях всеобщего дефицита (со связями на всех уровнях) оказалось престижнее, чем наращивать квадратную задницу в ВУЗе и, отучившись-отмучившись положенное количество лет, прозябать учителем или инженером. И еще одно преимущество: каждая девушка должна удачно выйти замуж, а все мужчины ходят в парикмахерскую

стричься. Если парикмахер – красавица, они ходят стричься так часто, как только могут, даже если волосы отрастают не так быстро, как им хочется. У кого не было волос, ходили подравнивать усы и брови.

Всем цирюльным премудростям Лиза наловчилась, «набив руку», но парикмахером «от Бога» не была. Таких мастеров – сплошь да рядом, не лучше и не хуже других. Волос на голове много. Если что не так, отрастут. Это же не зубы, которых только тридцать два.

На стенах парикмахерской висели дипломы и грамоты в солидных рамочках. Они выглядели, как настоящие, подтверждая мастерство Михаила Марковича Ривкина, в шутку их создавшего: «Несравненной Лизе Гордон, Мастернице Золотые Руки, победительнице всех соцсоревнований», «Самой красивой комсомолке-многостаночнице, ударнице парикмахерского труда Элизе Наумовне Гордон с пламенным приветом от ЦК КПСС в полном составе» и даже «Парижский бомонд в грезах об Элизе»! Не хватало только таблички «Образцовое рабочее место».

Практичная Лиза всерьез повесила все это на стенку, а сформировать образ, соответствующий дипломам, проще, чем их повесить. Будучи великолепным психологом, «мастер головы» умело выкручивалась из любой ситуации. Это называлось «Искусство пудрить мозги» или «Впарить дизайн».

– Розочка, приветствую вас, родная! Как я за вами скучала, дорогая! Садитесь, милая. И где же вы были? С Жориком

в Ялте? Боже, какая прелесть. Ялта на месте? Ка-акая прелесть. Вы так загорели, просто Наоми Кемпбелл! Вы – наша супермодель, я всем рассказываю, какая у меня клиентка есть, жена директора ресторана... Вы же знаете, я мастер широкого профиля с узким тазом... Шутка, Розочка, шутка. Секундочку, я новую щетку принесу...

Через две минуты – в подсобке.

– Ирка, ты слышала? Она с твоим придурком в Ялте была. Интересно, море из берегов не вышло? От ее красоты мухи дохнут! Она ж круглая, как пельмень – сто двадцать килограмм с закрытыми глазами, а если она эти пороссячьи глазки откроет, – все сто пятьдесят... Где справедливость, Ира? А эти три пера на голове? Какую ей, к чертовой матери, стрижку делать? Зачесать две волосины вперед, одну – назад и две – по бокам? Ей парик пора носить, вся башка лысиной сияет!

Через три минуты в салоне.

– Иду-иду... Розочка, золотце, вы такая интересная дама, все мужчины в обмороке от вашей небесной красоты... Что делаем? Стрижемся-красимся? Прекрасно, дорогая! Бока и *задЫ* снимаем, а *передЫ*? Что с *передАми*: убираем или пусть загадочно свисают на глаза? Что такое? Что с вами, дорогая? Розочка, что вы так визжите? Я вас на кусочки режу? Я же только пять раз чикнула ножницами. Коротко? Вся кожа светится? А вы что хотели? Я не могу из ни-че-го сделать шевелюру Пугачевой. У Аллы на голове – стог сена! Вы

хотите такой веник, как у нее? Зачем? Ваше личико утонет в нем, как фрикаделя в супе! Волосы – это же оправа для вашей индивидуальности. Волосы – это же лицо человека! Я прошлась по вас рукой мастера, продизайнила все, что только можно продизайнить, отvirtуозила все, что только можно отvirtуозить! Я выдвинула ваше лицо на передний план! Теперь у вас не лицо, Роза, у вас – лик, как у непорочной мадонны! Пусть любят! И завидуют!

Лиза вещала, как опытный психотерапевт на сеансе. Авторитетные дипломы радовали глаз, подтверждая квалификацию мастера головы, как солдаты на присяге полковому знамени.

– Вы посмотрите на нее, вы только посмотрите. Помните, Розочка, вы всегда хотели такую прическу! И, конечно, до Жоры вы были довольны, но Жору вам-таки надо сразить окончательно! А ему нельзя нервничать, у него будет очередной инфаркт. Не волнуйтесь, вы неотразимы, куда уж красивше! Вы утонете в море комплиментов.

– Вы так считаете? Прическа удачная? – с сомнением в голосе вопрошала перепуганная своей страшной красотой Розочка, отдизайненная Лизиной широкопрофильной рукой.

– Я не считаю! Я знаю! – отвечала Лиза уверенно, хоть проверяй на детекторе лжи.

Разбушевавшаяся Розочка утихомиривалась и, сконфуженно поблагодарив за чудо-прическу, удалялась.

В подсобке после ухода клиентки.

– Ира, постучи меня по спине, я не могу дышать! Как тебе эта милая-дорогая-золотая-брульянтовая? С неземной гуманоидной красотой? Она же сумасшедшая! Как я знаю, что у Жоры будет очередной инфаркт? А что тут знать? Первый инфаркт он получил на тебе!

«Женщина должна быть, как хороший фильм: чем больше остается места воображению, тем лучше». (А. Хичкок)

Если человек корчит из себя пуп Земли, то Земле остается скорчиться до размеров пупа, а если влюбляются в лучших, то почему бы не любить саму себя? Моя кузина любила себя больше всего на свете и позволяла любить себя всем остальным, а когда человек настолько обворожителен в своей самовлюбленности, мало кому придет в голову искать червоточину в столь прекрасной розе. Если красота девушки бьет наповал, а добродетели скрыты глубоко, как иголка в стогу сена, стоит ли перетряхивать весь стог в поисках иголки, чтобы намертво пришить пуговицу к семейному сюртуку?

При виде моей кузины мужики вдохновлялись, как от волшебного эликсирчика и, готовые на любые сумасбродства, глупели прямо на глазах. Романтические порывы корректировались Лизой в практичную сторону: вместо букетов – палки копченой колбасы, вместо серенад под окном – путевка на отдых, вместо алых парусов – ткань в рулонах. В хозяйстве все пригодится, а романтика – ветер и пустая болтовня. К черту сантименты! Какие воздушные замки? Лиза

прочно стояла на земле и не витала в облаках. В прекрасных глазах поблескивала холодная сталь, а красота беспрпятственно открывала дверь в любую сказку. Чтобы не погнаться за всеми зайцами и не прогадать, растрачивая время понапрасну, Лиза выбрала Мишу Ривкина. Из всего поголовья зайце-кроликов он идеально подходил на роль принца по всем пунктам и параметрам. Физик-аспирант, закончивший с отличием мехмат, уже в дипломной работе сделавший какое-то открытие (кажется, в оптике). Ривкинская дипломная работа была опубликована в университетском журнале, оттуда перепечатана одним из известных научных изданий США... С такой головой – прямая дорога в научные светила!

Звездно-золотая Лиза и научно-академический Миша – чем не пара? Преподавание в школе, репетиторство и семинарские занятия – все это временно, а статья женой будущего академика – престижно и стабильно. Дальновидная Лиза все разложила по полочкам и была спокойна, как удав, заглатывающий кролика. Кролик, проявляя энтузиазм и недальновидность, наивно лез в пасть сам. Такой милый черненький кролик с ранней проседью на висках, восторженными прыжками подтверждающий искреннее желание быть съеденным такими прекрасными зубками.

Может, тот, кто любит, видит то, что другим незаметно? Или наоборот?

Внося свой вклад в борьбу за сердце красавицы, Миша без конца фотографировал Лизу. Портреты в замысловатых

прическах с веерами да вуалями украшали интерьер салона красоты наряду с грамотами-дипломами, а я помогала печатать эти фотошедевры. Из любви к фотоискусству и фотохудожнику. Общее дело сближает. Процесс происходил в ванной на квартире у Мишиной хозяйки. Мы любовались проявляющимся Лизиним изображением, наши головы, руки и плечи соприкасались. Полумрак, уединение. Идеальные условия для романтического свидания, но кто ж сравнится с фотогеничной Лизой – кладезем несметных достоинств и гением чистой красоты?

Миша любил Лизу. Лиза, воспринимала это, как должное. Я любила Мишу так, как моя подруга Лида любила Алена Делона и Антонио Бандераса. И даже больше.

«Не всякая испанка – Кармен. Иногда она просто грипп». (Э. Кроткий)

Образ прекрасной незнакомки, позирующей под загадочной вуалью, дает простор для воображения, но не всякий, кто смотрит, видит. Если бы у Лизы были кривые зубы и кривые ноги, увидеть невидимое было бы гораздо проще, но у Ривкина Михаила Марковича, невзирая на хобби фотографа, имелось смещение фокуса – кривозеркалье. Не могла же я прямым текстом сказать Мише, что наша триумфальная Элиза – шкатулка без сюрприза. Нарядная, полная тайн, а внутри – пустота.

Лиза умело пользовалась набором стандартных фраз, которые в устах такой красавицы действовали на мужчин ма-

гически, создавая видимость сердечности и доброты:

– Какой ты умный... (Вариант №1).

– Как ты это тонко подметил... (Вариант №2).

– У тебя такая возвышенная натура... (Вариант №3).

На деле слова ничего не значили. Пустой звук.

– Миша, я слушаю тебя, мне плакать хочется! – проникновенно щебетала Лиза голосочком беззащитной ранимости, жаждущей справедливости. – Ты такой умный, такой великодушный. Ты хочешь облегчить жизнь бедным слепым детям, обучать их математическим функциям, но есть предел благородству. Ты что, не от мира сего? Не желает министерство просвещения твой прибор? И не надо! Это же все равно бесплатно, а оно карман не греет. Разве бессребренники живут? Это можно считать жизнью? Они влачат существование и волочат за собой жен, а я хочу жить по-человечески. Изобрети что-нибудь глобальное, чтобы хорошие деньги получить, сумей продать мозги! Мужчина должен уметь делать деньги! Докажи, что ты мужчина!

Речь шла о приборе для обучения слепых детей математическим функциям, который Миша изобрел, запатентовал и безуспешно пытался подарить школьной системе образования. Министерство просвещения упиралось, не желая раскрыть объятия для внедрения Мишиного изобретения, а Лизиной достоверной правдивости верилось безоговорочно. Когда внутри пустота, человек гроыхает, как погремушка, но Миша принимал стержность своей невесты

за чувство юмора, напористость – за пылкую сущность, наигранность – за милое очарование. Хлорированная вода из-под крана в Лизочкиных руках казалась Мише хрустальной родниковой струей. Он был абсолютно счастлив, воодушевленно глотая суррогат. Наверное, несфокусированное зрение имеет свои преимущества, как и кривые зеркала. Особенно если не кривить душой и верить, что это кривозеркалье – истинно настоящее.

В нашем двухэтажном доме по улице имени Третьего Интернационала было восемь квартир. Мы жили на первом этаже, над нашими головами – Галя и Дон Педро, а тетушка Мара с дядюшкой Наумом – рядом с Галей и Педро. Перед тем, как подняться на свой второй этаж, семейство тетушки Мары заглядывало к нам «на огонек». Надо же по пути сделать остановку, сообщить свежие новости, пообщаться породственному, плотно перекусить. Затем, оставив Тamarочку с горой грязной посуды и опустошенным холодильником, добраться до своих апартаментов и устало опуститься на диван перед телевизором. По той же старой доброй семейной традиции каждый, кто намеревался навестить Мару, *на минуточку* заскакивал к Тамаре, а уж потом, перегруженный гастрономическими изысками, восходил к Маре. Выпить чашечку чаю с Тамариным вареньем.

Иногда Мара пекла к чаю печенье «Дамские пальчики» по суперпрестижным заграничным рецептам из «Бурды».

Твердокаменное печенье невозможно было угрызть, хотя все гости честно пытались. Увидев, что ее «пальчики» не вызывают энтузиазма, Мара превращала фиаско в триумф, провозглашая: «Это Тамара испекла!»

Широкий жест! У отменной кулинарки Тамары такие булжники при всем желании не получились бы, но гости делали вид, что поверили, делали вид, что записывают рецепт и даже делали вид, что наслаждаются божественным вкусом. А между прочим, министерство обороны не отказалось бы взять на вооружение новый вид оружия массового поражения в виде Мариного печенья, но кто ж продаст им патент? Разве что станут на колени и вымолят.

Гипсово-картонный торт «Морская рапсодия», в процессе приготовления которого тетушка Мара то ли перепутала ингредиенты, то ли переборщила компоненты, я увековечила в стихах. Если «Морскую рапсодию» можно считать тортом, значит, мои стихи можно считать лирикой.

СТИХИ О ТОРТЕ

Торта откушу кусок.
Фу ты! Что ли, в нем песок?
Несъедобный этот торт
Выброшу скорей за борт!
Пусть его народ морской
Жрет с обидой и тоской.
А медузы с водолазом
Подавились тортом сразу...

Если несъедобен торт,
Не бросай его за борт!

«Здравствуйте, мы ваши тети!» МАРАЛЬНЫЕ страдания, охотничьи трофеи, диета в чертежном тубусе

*«Шипы – это принудительный ассортимент
к розе». (Э. Кроткий)*

Если у вас нету тети, вам некого отправить в бессрочное дальнейшее плавание в район Бермудского треугольника. Если у вас нету тети, без тете-иммунитета вам не устоять перед натиском множества тетушек и дядюшек, изо всех сил норовящих изречь что-то нравоучительно-педагогическое. И готовых на своих праведных примерах предостерегать, предотвращать, советовать, поучать... Эх, да что тут говорить! Моя тете-устойчивость (при переизбытке теть, перезашкаливающим разумные пределы) приобрела статус сейсмоустойчивости. «Нельзя объять необъятное», – сказал Козьма Прутков, имея в виду обилие моих тетушек, а кого же еще?

Тетя Мара делала одолжение одним своим появлением. Величаво шествуя с видом чопорной гусыни Квебеккайзе из сказки про Нильса, она мнила себя умирающим лебедем, хотя по складу характера была скорее селедкой, обильно политой уксусом. Гусыне до лебедя, как морю – до пустыни, но если веришь в свою лебединость, то долг остальных – ве-

рить тебе на слово! Имеются в виду долги моральные.

В отличие от моей мамы, которая была перед всеми в долгу и долги отдавала, тете Маре должны были все, даже мировые банки. Единственный долг тети Мары состоял в том, чтобы принимать долги. Из-за постоянного недомогания Маре было не до мирской суеты. Когда-то ей удаляли то ли гланды, то ли аденоиды, то ли еще что-то, связанное с головой, и видимо, переусердствовали, задев сложную область головного мозга.

Вы ж понимаете, гайморит – не геморрой. Хроническая «хворель» Мара была больнее всех больных. Болезнь с загадочным названием «вегето-сосудистая дистония» давала права и возможности болеть всласть. Тетушка Мара ела лекарства, как еду, а еду принимала, как лекарства. Возможно, сыграл роль один из бабушкиных советов, сказанный в шутку, но воспринятый Марой всерьез: «Даже если у тебя ничего не болит, ты здорова, как лошадь и на тебе можно пахать, ложись на диван и притворись больной. Пусть тебя муж пожалеет».

Бабушка сказала и забыла, а Мара не только запомнила эти слова на всю жизнь, но претворяла их в действие на каждом шагу. Закованная в кандалы болезней, тетя Мара страдала пожизненными *маральными* страданиями, нескончаемыми, как музыкальные вставки в индийских фильмах, где все поют и танцуют больше, чем говорят, вращаясь в телодвижениях, напоминающих конвульсии человека с жуком за ши-

воротом.

Поскольку Лиза была занята собой, любимой, все домашние радости доставались Ньюме. Мара шипела на супруга, как сало на сковородке шипит на яичницу-глазунью, поджариваясь до нужной кондиции. Болезненная тетушка с лимонно-селечным выражением лица возлежала в постели, как принцесса на горошине и, поправляя сползающий с головы укусный компресс, жаловалась на всяческие неудобства.

– Наум, я не могу здесь сидеть. Мне ду-ушно, мне нечем дышать. Пересяду к окну. О-о-ох... Принеси стакан холодной воды и открой окно!

Наум суетился, как горчицей подмазанный, мгновенно приносил требуемое и, встав навытяжку, как часовой у Мавзолея, ожидал дальнейших указаний.

– Это не вода, а бурда! И почему она не холодная? И почему она такая мутная?! – Мара подозрительно косилась на стакан. – Ты мыл стакан или нет? Унеси! Я такое пойло пить не буду!

Указания следовали с интервалом в каждые три минуты. Каждое последующее указание противоречило предыдущему:

– Закрой окно, мне холодно. Почему в доме – сквозняк? Ты хочешь меня простудить? Ап-чхи! Кажется, я уже простудилась, только простуды не хватает для полного счастья. Приложи мне капустный лист ко лбу и обвяжи полотенцем: в лекарствах – химия, а я признаю все натуральное. Выключи-

чи телевизор, мне мешает шум. Это что, соседи? Выключи соседей. Как они могут разговаривать, когда у меня болит голова? Никакого сострадания к тяжелобольнейшему человеку. Поправь мне компресс, подай медицинский справочник, принеси чашку горячего чаю и плед. Пожалуй, прилягу...

Застрявшая в недовольствах, как клизма в заднем проходе, Мара уныло стонала. Ньюма, адъютант ее превосходительства, закаленный *маральной* инквизицией, лихорадочно несся исполнять, безнадежно поглядывая на телевизор и пытаюсь сообразить, куда раньше направляться: выключать соседей или включать чайник.

– Наум! Ты куда запропастился? – взывала Мара, не в силах отбиться от болезней в одиночку. – Тебя только за смертью посылать. Как хорошо, что покойная мамочка не видит моих мучений. Я дождусь чаю?! Это горячий чай?! Я не буду пить эти помои!

Горячее, чем чай, вскипяченный чайником, бывает только чай, вскипяченный его двоюродным братом-кипятильником, если можно сравнить степень «разгоряченности». Разрываясь между чайником и кипятильником, Наум никак не мог сообразить, Мара *еще* согласна пить чай или *уже* нет.

Маральные страдания продолжались, голос слабел и слабел:

– С каждым днем я чувствую себя все хуже и хуже. Открываю глаза и думаю: может, не стоило их открывать?! Может, лучше закрыть глаза и умереть?! О-ох... Я умираю, я

не доживу до утра, я уйду на тот свет к моей маме. Позови всех. Соседей – тоже. Пусть видят, до чего меня довели. Буду прощаться... О-ох...

Готовый пасть ниц, Ньюма замер у ложа супруги, как хранитель усыпальницы Тутанхамона, боясь отлучиться: вдру за время, пока он всех созовет-призовет-вызовет-соберет, – Мариша умрет?

– Что ты стоишь, как неживой истукан?! – возмущалась Мара, передумав умирать и размышляя, бывают ли истуканы живыми. – Я еще не умерла! Врагу не пожелаю моих страданий. Кто-нибудь измерит мне давление? Я вся такая больная, я больше всех больных. Пойду, пройду к Тамаре.

Шатаясь от слабости и скорбя об угасающей жизни, Мара, держась за перила, спускалась к Тамаре. Учитывая дальность расстояния, которое преодолевала Мара, чтобы попасть к сестре (речь шла о путешествии со второго этажа на первый), – забота Наума о дражайшей супруге была беспредельной:

– Мариша, спустить тебя с лестницы или сама доберешься? Позвони, как ты добралась и как ты себя чувствуешь, – говорил Ньюма, в надежде поглядывая на телевизор, по которому начинали транслировать футбольный матч.

Загробным голосом Мариша отвечала:

– Позвоню, если выживу (вариант №1).

– Позвоню, если доберусь (вариант №2).

– Позвоню, если по дороге не попаду в больницу (вари-

ант №3).

Считая абсолютно нормальным, что все потекают ее капризам, Мара позволяла лелеять себя, сердешную. Может, болезни отражали ее бессознательный страх перед жизнью?

– Бедная моя сестричка! – озабоченно суежилась Тамара-Тереза, принимающая за чистую монету Маришины арии, а зоркий взгляд сестрички уже фиксировал нарядный пакет, присланный римским папой из Италии.

– Ой, какая кофточка! – оживлялась Мариша, сбрызнутая живительным элексирчиком предвкушения обновки. – Можно, я примерю? Сидит, как влитая! Ах, так тут еще и брючки? Это брючной костюмчик?! Да еще моего любимого цвета спаржи в горчичном соусе?! Ты же такое все равно не носишь, а я собираюсь на юбилей к самим Эскадским. Я такая невезучая в жизни, мне ни в чем не повезло, разве что попасть на юбилей к Эскадским...

Получив итальянский брючной костюмчик цвета спаржи в горчице и ощутив прилив бодрости, мученица-страдалница с видом человека, истосковавшегося по кусочку чего-нибудь съедобного, шагала прямо к холодильнику. Заглянув в наш холодильник, чувствовала себя получше и, в зависимости от содержимого, выбирала нужный вариант:

– Я – на диете (вариант №1).

– Я – больная (вариант №2).

– Пожалуй, я съем кусочек чего-нибудь (вариант №3).

Чаще всего преобладал вариант №3. Осуждая Тамару

за культ еды, Мара логично боролась с излишками культовых ритуалов, подчищая содержимое кастрюлек, пиалок, мисочек и баночек. Опустошенная тара накрывалась крышечкой и возвращалась назад на полочку. После налета тетюшки Мары открываешь холодильник в надежде подкрепиться, берешь кастрюлечку-пиалочку-мисочку-баночку... зырк! – а там пусто. Зато в холодильнике у самой тети Мары всегда было просторно, а еда – недосоленная и безвкусная, как трава у дома. Зеленая, зеленая трава...

Однажды, когда родители уже развелись, мама уехала на курсы, а папа перед отъездом в Италию захотел осуществить одну кулинарную фантазию. Он купил на рынке освеженного кролика, замариновал, нашпиговал чесночком, намазал майонезом и положил в духовку на решетку. Запах – фантастический.

Соседи-родственники Мара с Лизой и Ньюмой носы поскручивали, принюхиваясь:

– Чем тут пахнет? Тamarочка вернулась?

Папа – в своем репертуаре:

– Тamarочка еще не приехала, а я занимался мужским делом: на охоту ходил, зайца подстрелил. Зайчатинку жарю. Дичь!

Мара – тоже в своем репертуаре, рада-радешенька. Еще бы, можно не готовить ужин:

– О, дичь! Охотничьи трофеи! Обожаю экзотику! Так ты

нас приглашаешь? Мы придем впятером: я, Наум, Лизонька и Аришенька с Мишенькой Гидалевичем, а может, с Гришенькой Тарасевичем. Наша Аришенька собирается поменять мужа. И больше ничего не готовь, только дичь!

Пока все подъехали, пока собрались, кролик ужарился, сильно поубавившись в размерах. Как разделить его на всех? Гостеприимный хозяин решил сначала накормить гостей, а потом, если останется, угоститься самому. Поставил на стол блюдо с «дичью», разрезал. Гости ели-нахвалялись, пальчики облизывали, подливку хлебушком вымакивали.

Папенька, гордый охотничье-кулинарными успехами, хвастанул:

– Ну, как заяц? Красавец! Иду я с ружьем, глядь: он! Я – прицелился... Ба-бах!!! Он и не мяукнул! А чего вы так на меня смотрите? Ешьте, остынет.

Гости застыли над тарелками, не притрагивалось к «дичи». От того, у кого пустая тарелка, можно ожидать, чего угодно. Если сам не ест зайца, значит, подал на стол кота.

– Говоришь, не мяукнул?! А сам чего не ешь, только смотришь?! – змеиным голосочком поинтересовалась Ариша.

Напрасно папа клялся-божился, что это не кот, а заяц! Чтобы окончательно развеять сомнения гостей, папа громко и решительно сказал:

– Ладно, скажу вам чистую правду. Это был не заяц, это был...

Папа сделал эффектную паузу. Он хотел сказать, что это был не заяц, а кролик, но Мариша с Аришей уже летели напрямик к унитазу в абсолютной уверенности, что под видом дичи на стол был подан зажаренный дюндиковский кот. И хотя через пару дней кот Циклоп объявился живым-здоровым и даже стащил у дяди Ньюмы здоровенный шмат колбасы, выменянной у дяди Вани Шпыгуна за ватман, – Мариша сто двадцать пятый раз поведала всем, кому только могла, как она несолоно хлебала в гостях у Сокольских. Скромно умалчивая о собственном гостеприимстве.

«Если собаку хотят побить, палка всегда найдется», – говорил покойный дед, имея в виду подкаблучное состояние зятя Ньюмы, которому всегда помогал крепить обороноспособность. Эх, мужская солидарность... Чем поможешь, взирая с небес? Выносливости заезженного Марой Наума можно было только удивляться: он жил под прицелом и выживал в экстремальных условиях.

На нервной почве Наум начал поправляться. Мара прописала ему травоядное вегетарианство. Вышколенный в послушании, Ньюма грустно поклевывал салаттики, набирая вес не по дням, а по часам, и вскоре пришлось перешивать те единственные брюки, в которые он еще влезал. Пронзая супруга взглядом, как шпагой, Мара пыталась понять, в чем дело и, контролируя ситуацию, неумолимой рукой вручала дражайшему супругу то морковку, то кочерыжку от капусты,

то хрен (Мара вычитала, что хрен улучшает желудок, печень и подавляет рост раковых клеток). «Измощенный» хреново-овощной диетой Ньюма, за последние две недели набравший два дополнительных килограмма, с обреченным видом созерцал пустые недра холодильника.

Последние Ньюмины брюки лопались, больше расшивать – некуда! Поразмыслив, что от овощей брюки лопаться не станут, Мара применила новую тактику, устроив засаду. Секрет раскрылся самым неожиданным образом. Оказывается, горемычного Ньюму подкармливали все соседи, включая сердобольную Тамару! Дело поставили на широкую ногу. Каналом поставок продовольствия стал чертежный тубус, куда складывались все приношения в виде пирожков, отбивных и даже вареников. Ньюма, рад стараться, тешил желудок, втихаря расправляясь с провиантом... Пока не был обнаружен, застигнут, пригвожден и осужден с конфискацией продовольствия.

Что было дальше, лучше не вспоминать. Наверное, Ньюме до сих пор снятся кошмары, в которых тощая, состоящая из острых углов Мара (с завидным для больной аппетитом!) уплетает любимые отбивные Тамириного производства, закусывая внушительного размера пирожками с картошкой от Галочки Антоненко-Антониони. Впрочем, казнь на плахе – не страшнее, чем жизнь на плахе. Жизнь с Марой – испытание в многократной степени. На месте привычного к «маральной» инквизиции Ньюмы я бы доброволь-

но приняла яду. Или, разбежавшись, треснулась бы головой о стенку.

Послonyaвшись по кухне с миской салата «Завтрак кролика», многотерпеливый Ньюма уныло садился перед телевизором и, заглушая бурчание в желудке, переключал канал на футбол. Под газетой «Труд» была припрятана записка, презентованная соседом Педро: пять калорийных картофелин в мундире (каждая величиной с кулак), здоровенная луковица и любимая селедочка «иваси». Ах, селедочка! Сглатываемая слюнки, Ньюма мечтательно выжидал, когда наступит час отбросить миску с травой, открутить от «ивасика» голову и приняться за трапезу. Ньюму останавливал укоризненный взор Мары, в котором была сосредоточена скорбь мирового еврейства.

– Ты меня безумно раздражаешь, – причитала супруга, *марально* расчленяя Ньюму воображаемым ножом, как капустную кочерыжку. – Ты меня безумно угнетаешь. Ты пренебрегаешь моим внутренним миром. Выключи телевизор. Как ты можешь смотреть эту чушь, когда я умираю?! У меня взрывается голова! У меня плавают мозги!

Терзаясь угрызениями совести, Наум, пригорюнившись, выключал телевизор и, стараясь не шуршать страницами, брал в руки газету «Советский спорт». Вместо «Советского спорта» мым-р... Мара вручала мужу газету «Труд» и (какой пассаж!), обнаружив крамольную картошку с селедкой и луковицей, категорично зудела:

– С тобой невозможно жить: ты ставишь свои интересы превыше всего! Большого эгоиста нет во всем мире! Покупая себе новые штаны, ты лишаешь меня возможности купить новую шубку, а хорошая верхняя одежда – это главное! Преступно так относиться к своей семье в общем и к жене – в частности! Ты пьешь мою кровь!

Добрейший и безобиднейший Ньюма со слов Мары представлял деспотом, тираном, сумасбродом и даже (о, жуть) душегубом. Он был виноват во всем, даже в том, что красный свет на светофоре горит слишком долго, – именно тогда, когда Маре нужно переходить дорогу.

Интересно, если бы Лиза вышла замуж за Мишу, у Ньюмы появился бы союзник? Или они оборонялись бы каждый в одиночку? Крепить обороноспособность – мужское занятие!

Академические светила, фактурная мускулатура и рояльная клавиатура, спортивное тортометание и любовные безумства скромного подорожника

*«Многие мужчины, влюбившись в ямочку
на щеке, по ошибке женятся на всей девушке» (С.
Ликок)*

В каждой семье есть свои милые незатейливые домашние радости. Я обожала и Ньюму, и Мару за то, что у них нечем было подкрепиться, и они подкреплялись у нас дома чаще, чем у себя. Особенно я обожала (наиглавнейший плюс!), когда Лиза, приводила к нам Мишу, согласного идти за любимой на край света.

Я не была знакома с Мишиными родителями, но по его рассказам хорошо представляла хлебосольный дом, где на все праздники накрывался супер-стол. Столом служила дверь, снятая с петель, вместо стульев – доски, положенные на табуреты. Еда готовилась три дня подряд, все было невероятно вкусно. Каждый гость, уходя домой, получал порцию «ссобойки». Иногда гости заходили просто попить чаю и забывали уходить, оставаясь на ночевку.

Мишина мама, как и моя, считала, что правильный ребенок должен быть хорошо упитан. Моя мама, как и Мишина, самоотверженно выстаивала у «вечного огня» кухонную вахту и обожала гостей. В нашем доме, как и в доме Мишиных родителей, были большие тарелки, большие порции, добавка приветствовалась «на ура» и всегда находилось, чем подкрепиться: хороший аппетит гостя – лучший комплимент кулинарным способностям хозяйки.

У нас Миша чувствовал себя, как дома, а Тамара Альсана радовалась возможности хоть чем-то отблагодарить коллегу за мои математические успехи. Кто ж откажется от жаркого в горшочках? Мама вынимала жаркое из духовки. Лиза картофель не любила, а мясо уписывала за обе щеки. Предвкушая вкусотищу, Миша блаженно зажмурился глазами. Лиза ждала этого момента, чтобы мгновенно, как фокусник, выудить из Мишиного горшочка мясо и заменить его своим картофелем. Она проделывала это с такой милой гримаской, что хотелось отдать ей все запасы мяса на планете Земля и, позабыв о котлетах, шашлыках, кебабах, буженине и прочих мясных деликатесах, влачить травоядно-растительную жизнь, нетерпеливо приплясывая при виде травинки и былинки. Заботиться о ком-то моей кухне даже не приходило в голову: пышное цветение махрового эгоизма при тотальной преданности – обыденное явление.

Тетя Мара говорила: «Миша с Лизой строят отношения». Подтекст означал, что Миша *должен* принимать ответствен-

ные решения и заботиться о Лизе, а Лиза благосклонно *должна* принимать эту заботу. Звучало романтично, как бормашина в кабинете Зубной Изабеллы. Надо отдать должное, Лиза терпеливо «строила отношения» и вела свою партию в дуэте с Мишей, не отклоняясь от партитуры, пока не увидела, что старания к нужному результату не приводят: дуэт не удался. Изображая коронованную особу, чья корона протерла дырку на сиятельной башке, Лиза драматически сетовала:

– Это клинический случай, такое не лечится! У меня скоро поедет крыша. Я устала строить из себя ангелицу. Я устала промывать мозги этому новатору-изобретателю! Люди без избытка мозгов – давно с деньгами, и голова не болит! Я не хочу рая в шалаше. Я не хочу ездить на «Москвиче» или «Запорожце». Я не могу доверять этому бессребреннику дирижировать даже пылесосом!

Речь шла о Мише, который хотел доверить Лизе дирижировать своей жизнью и который непростительно жестоко надругался над Лизиными чувствами, лишив надежды на многообещающее совместное будущее, основанное на научной карьере будущего научного светила. Делая вид, что не могу оторваться от гриновских «Алых парусов», я подслушивала взрослые разговоры. Все, что касалось Миши, интересовало меня чрезвычайно.

Из досье, заботливо собранного любящей невестой для проверки перспектив продвижения в карьере (и материаль-

ного положения) Ривкина М. М., вырисовалась картина морального облика, разочаровывающая Лизу донельзя!

Мальчик из обычной еврейской семьи. Отец – инженер-наладчик на заводе, хотя мог стать классным шахматистом. Мать – инженер-конструктор, хотя могла стать классным врачом. Классическая ситуация: единственный ребенок, свет родительских очей. Вся мишпуха* (*семья) живет ради него, делает для него все возможное и невозможное. Все силы, средства, нервы, таланты отдаются ему под девизом «Весь сыр – в один вареник».

Никакого спорта, кроме шахмат и пеших прогулок (закутаным). Два раза чихнул – постельный режим. Вход в море – только в сопровождении обоих родителей (за обе руки). Автомат с газированной водой – источник желудочно-кишечных заболеваний, к общественному стакану – не прикасаться! Чтобы любимое чадо могло попить водички, не нахватавшись микробов, папа носил в кармане пластмассовый складной стаканчик. Питание – только с базара (кипяченое, протертое и насыщенное витаминами). Куриный бульон – литрами. Все усилия – на мозги.

Итог – перекормленный ребенок, не вылезаящий из болезней (к досье прилагался перечень болезней и прививок), который умеет читать (с трех лет), умеет играть в шахматы (с пяти лет), считать, писать, сам заинтересовался астрономией, физикой и сам одолел таблицу Менделеева (к шести годам). Но запаньканный донельзя: не умеет влезть на дере-

во, не имеет друзей-сверстников, боится упасть, испачкаться, ступить не туда, перелезть через забор, взобраться на дерево и съесть немытое яблочко.

Далее – школа. Учился легко, как орешки щелкал. В течение считанных минут, справившись с заданиями, охотно помогал всему классу и даже старшеклассникам. Его уважали, в обиду не давали. Понимая, что отстает по физкультуре (мозги – не мускулы), Миша до седьмого пота тренировался, сдавая нормативы, – и подкачал-таки мускулы, которые оказались нужнее, чем мозги. Как ни странно, ни на улице, ни в школе вопрос «пятого пункта» в отношениях с ребятами не стоял, но... победителя всех олимпиад по точным предметам, не «повесили» даже на Доску почета (нетрудно догадаться, почему), зато повесили туда победителей спортивных соревнований (спортивные достижения – наше всё). По той же причине «не хватило» и золотой медали. Директор, военный отставник, физкультурник и антисемит, отказал ученику Ривкину в праве на экстерн (нетрудно догадаться, почему), но мама ученика Ривкина проявила чудеса смекалки и сообразительности (нетрудно догадаться, какие), и наш герой уже с пятнадцати лет смог учиться в университете.

С такими мозгами – путь в столицу, но Москве без родителей – никак. Ни он – без них, ни они – без него. Престижные Одесские Медин или Юрфак тоже не светили (нетрудно догадаться, почему). Наш герой поступает в Одесский уни-

верситет на физфак (физик-теоретик). Бурная студенческая жизнь, КВНы. Справка о язве спасает от поездок в колхоз и от армии. Заканчивая с отличием физмат, объект досье М. Ривкин прямо в дипломной работе набрел на открытие в оптике. Студенческая дипломная работа была опубликована в университетском журнале, а оттуда перепечатана одним из известнейших научных изданий Америки. Михаилу предложили остаться в аспирантуре, он зажил малообеспеченной жизнью аспиранта-физика. На кафедре дали понять: пока не придет время, – ему, молодому, надлежит работать только на других. Все будет засчитываться старшим коллегам, о кандидатской нечего мечтать. Спасибо, что дают часы для преподавания. Будущему научному светилу ни-че-го не светило!

«У нас даром звания академиков не дают. Только по благу и за бабки». (Смирнов В. П., Большой полутолковый словарь одесского языка)

Многообещающая карьера оказалась далекой от воплощения. В перспективе – годы преподавания, семинарские занятия, работа на чужие диссертации. От нищеты спасут родители и репетиторство. И тут в Мишиной жизни появилась путеводная звезда в виде прекрасной Элизы, ради которой стоило временно отодвинуть свою не слишком удачную научную карьеру и ловить волшебную жар-птицу за дивный хвост, перебравшись поближе к объекту любви.

Время с Элизой пролетело незаметно. Прошло три года.

В завоевании жар-птицы Миша почти преуспел, осталось закрепить результаты штампом в паспорте. Птица счастья уже склонялась к тому, чтобы поменять фамилию Гордон на фамилию будущего академика, но так как ценила себя очень дорого, то затеяла досье, чтобы не продешевить. И обнаружила полный облом в карьерном росте и престижном положении. Оказывается, до статуса академика – ох, как далеко, а Лиза хотела все сразу, ни на минуту не сомневаясь в своей исключительности. Увы, дожидаться светлого будущего с Мишей было так же нереально, как увидеть электромагнитные волны. Триумфальный въезд Лизиного избранника в науку «на белом коне» затруднялся на много лет.

– Он въедет туда на осле, сам будучи ослом! – подытожила моя кузина.

У доброго ослика Иа, верного друга Винни-Пуха, было на сей счет иное мнение. Разве объект любви выбирают, как помидоры на рынке, по степени свежести? Разве будущих мужей утверждают, как кандидатуры? Рассматривают по престижности, рентабельности и респектабельности? Разве любят за что-то? Делать что-то для кого-то – нет ничего лучше, только Лизе это даже в голову не приходило. А у меня – наоборот, из головы не выходило: «делать что-то» для Миши – просто и естественно, как дышать. Соорудить ему бутерброд или поправить воротничок. Или, используя шпионские навыки, незаметно подложить сочное яблоко «белый налив». И ни одной живой душе, кроме самой себя, не при-

знать в тайне, зашифрованной под грифом «совершенно секретно».

Ах, Миша, ты не знаешь, не ведаешь и даже не подозреваешь, что для меня значишь. Сиамские близнецы не рождаются у разных родителей, в разное время и в разных городах, но ты – мой сиамский близнец, только поспешил родиться раньше. Или это я опоздала?

Я тобой дышу, задыхаюсь без тебя. Ты – как воздух... О! Идея! Падаю в обморок! И Миша делает мне искусственное дыхание рот в рот. Стоп, а свежесть рта? Как во время избавиться от жвачки? Незаметно выплюнуть, держать за щекой или проглотить? Нет, этот вариант не подходит, отпадает полностью! А вдруг появится кто-то другой, непредвиденный?! Например, Витька. Он же кинется меня спасать, мне придется дышать Витькиным дыханием в «безмишином» пространстве. И тогда я точно задохнусь! «Умри, но не давай поцелуя без любви!!!»

Интересно, искусственное дыхание приравнивается к поцелую? Хм-м-м... Умереть – не встать! Винни-Пух – кислородная подушка! Так смешно, что от смеха выступают слезы. Я старалась обходиться без кислородной подушки, а Ривкин Михаил Маркович восхищенно дышал моей бездушной кузиной, не ощущая недостатка кислорода в ее безвоздушном пространстве. Лиза (вспомните досье!) знала о Мише все или почти все. Он не знал (или не хотел знать), что полагалось бы знать о девушке, с которой хочешь связать жизнь.

Может, он любил загадки?..

А между прочим, маленькие дети, которые лучше барометров чувствуют сущность человека, никогда не шли к Лизе на руки. Зато эти сладкие солнышки, буквально выпадая из рук своих родителей, тянулись ко мне. Я могла бы собирать карапузиков охапками, как ромашки, порхая по ним легкокрылой бабочкой. Пушистые детские макушки пахли лучше цветов!

...Маленькие дети бывают умнее взрослых мужчин. А взрослые мужчины бывают глупее маленьких детей. Возможно, в их питании маловато фосфора для усиления мозговой деятельности.

«Сердце красавицы склонно к измене и перемене, как ветер мая...» (Д. Верди. Риголетто)

У каждой благоразумной девушки, решившей удачно выйти замуж, должен быть запасной вариант, как бронепоезд на запасном пути. Лиза продумывала варианты. В поклонниках недостатка не было, но... директор мясобойни был староват, замдиректора маслосырзавода – толстоват, зав. ювелирной секцией универмага – скуповат, тренер спорткомплекса – туповат, художник Юрик – странноват, завкомиссионки – безнадежно женат.

Самой подходящей кандидатурой оказался Шашок – автомеханик Саня Шашковский, молодой, энергичный, вполне симпатичный. Из по-настоящему богатой семьи, чье богатство передается из поколения в поколение и приумножается,

подпитываясь работой в «хлебных» местах, где денег – куры не клюют. Бумажные рубли у Шашковских вообще не считались деньгами, но так как бумажек было много, то пересчитывать их вменяли в обязанность семейному главбуху – бабушке. На полный целлофановый мешок рублей Санина бабушка покупала (естесно, по блату) двухлитровую баночку черной икры.

Саня икру кушать не желал, а ребенку надо расти здоровым и умным.

– Ну, за маму! – полная ложка деликатеса отправлялась Шашковскому-младшему в рот.

– Сами жрите свою противную икру! – наследник престола передергивался от отвращения. – А хотите, чтобы я ел, танцуйте!

Приходилось танцевать. Пока кордебалет в составе мамы, бабушки и нянечки старательно отплясывал канкан, гопак и фрейлахс, Саня держал икру во рту, не проглатывая, а в финале танцевальной сюиты дорогуший продукт выплевывался на дорогуший ковер ручной работы. Простые советские дети плевались белой манной кашей, а Саня – черной икрой. Кто чем может, тем и плюется.

Шашковские жили напротив ЗАГСа. Кроме икроплева-ния, Шашок упражнялся в яйцеметании, прямо из окна забрасывая новобрачных куриными яйцами, а еще (бросать так бросать) швырял прямо в унитаз семейное золотишко из маминой шкатулочки. Кто чем может, тем и швыряет-

ся. Цепочки с колечками, прощально позвякивая, уносились в недра канализации вместе со сдергиваемой водичкой. Излишки-с... Чтобы семейные ценности хорошо проходили, не застревая, сообразительный Саня бросал в унитаз каждую вещичку по отдельности. Лучше бы, конечно, осыпать золотым дождем свадебные процессии, но это уж дело хозяйское, было бы что бросать. Кто чем хочет, тем и бросается. Иногда юный Шашковский доставал из серванта папины сувенирные мини-бутылочки с ликеро-водочным содержимым и бросал в окно. Прохожие охотно ловили, а то, что не успевали поймать, в буквальном смысле имело запах осколков хорошей жизни.

Родители заметили Санечкины «метания», когда было уже поздно. Пришлось восполнять запасы по-новой, еще фундаментальнее. У ощипанного гуся заново отрастают перья, если, конечно, гусь жив-здоров. Когда Саня вырос, список хобби пополнился девочками. Ничего, кроме девочек, не интересовало, а самые хорошенькие девочки водились в мире искусства. И что вы думаете? Нажав на «блатную» кнопку, ни на что больше не пригодного Саню пристроили на работу в филармонию.

– Вы знаете новость? Саша работает в филармонии! – звучало эффектно, а главное, было чистой правдой.

– Боже, это ж надо иметь такой уровень исполнения, чтобы попасть в филармонию! И кто он? Тенор, баритон, оркестрант?

– Саша двигает рояль, – отвечали Шашковские. – Вы посмотрите, какие у него (у Саши, а не у рояля) великолепные мускулы!

Фактурная Санина мускулатура по красоте соперничала с рояльной клавиатурой. Все были счастливы. Артистично поигрывая мышцами, Шашок двигал филармонические рояли-фортепьяны, пока не влюбился в прекрасную Элизу, которая не шла ни в какое сравнение с прозрачными балеринками, заумными поэтессами, эксцентричными певичками, издерганными цирковыми гимнастками и сумасбродными канатоходками. Но Элиза категорически не желала иметь дело с людьми творческих профессий и собиралась замуж за будущего академика. Опять же по благу, Шашка пристроили в авторемонтный сервис. Вместе с заказами на Саню посыпались деньги, а на Лизу от Сани посыпались «Шанели №5» вместе с предложениями стать мадам Шашковской. Вот почему Миша Ривкин был отодвинут на дальний план с вердиктом «непригоден», но пока (до окончательного Лизиного решения) с чаши весов не сброшен.

Делая вид, что блуждаю в математических дебрях (и заглядываясь на ямочку на Мишином подбородке), я продумывала свои варианты, потихонечку фантазируя, как здорово было бы оказаться с Мишей на необитаемом острове. Вокруг – никого, только он да я. Он смотрел бы только на меня. И увидел бы в моих глазах звезды. Но где найти тот необи-

таемый остров? И как там затеряться вместе с Мишей?

Более реальный вариант – Лиза не пойдет с ним в кино, а билет будет пропадать и достанется мне. Мы сядем рядом в темноте кинозала, Миша будет нежно сжимать рукой мою руку и трогать ногой мою ногу...

– Линчик, какие холодные у тебя ноги. Ты что, замерзла? Я сейчас тебе теплые тапочки принесу. Сиди, не вставай! – сказал Миша, прервав объяснение уравнений.

Какой ужас, никакой романтики! Мне хотелось покрутить пальцем у виска и назвать его балдой, как Витьку. Ах, Винни! Ты просто обязан согреть меня своим теплом, а не какими-то прозаическими домашними тапочками на три размера больше, в которых (никакой эротики!) мои балетные ноги будут еще больше напоминать лыжника на старте.

Мечтать-то я мечтала, но не радовалась, что из Лизиней собственности Миша становился «бесхозным» третьим лишним, ведь сердце объекта моей любви по-прежнему лежало у Лизиных ног. Вытирая царственные ножки об этот страдающий коврик, Лиза не испытывала неудобства. Состояние Мишиного сердца волновало ее не больше, чем съеденный пирожок, а мне было жаль было жертву этих бессердечных экспериментов. Видимо, во мне все же имеются и маминны гены: принимать близко к сердцу проблемы ближнего – наша фамильная черта.

И чем только занимается мировая наука? Ну почему

до сих пор не изобрели машину времени? Так хочется заглянуть в будущее, но как? Не вылавливать же из аквариума золотую рыбку, шантажируя на исполнение желаний? В детстве я, кстати, пыталась. Бедная рыбка молча трепыхалась в сачке, «сбыча мечт» не происходила.

Выпустив рыбку назад в аквариум, я придумала машину времени, правда, очень несовершенную. На ней можно было путешествовать только в прошлое. Что поделатъ, если ученые бездействуют в этом направлении? Пульт управления хранился в потаенном месте. На невидимом экране – фрагменты из фильма «Моя жизнь». Включила. Перемотала. Замедлила. Ускоренная перемотка! Выключила. Спрятала.

Иногда я беру в руки этот невидимый пульт, просматриваю свое прошлое, не видимое никому, кроме меня, И понимаю: никакое это не научное открытие. Это просто воспоминания. Ну почему до сих пор не изобрели машину времени? И чем только занимается мировая наука???

Во дворе, рядом с беседкой из сирени и дикого винограда, росла яблоня «белый налив». Посаженная папой в честь моего рождения, ровесница-яблонька росла вместе со мной и была прелесть как хороша в любое время года: зимой – в снежной шубке, весной – в кружевном платье, в середине лета – под тяжестью налитых соком яблок, которыми угощались все наши соседи и родственники. Ей было столь-

ко лет, сколько мне: семнадцать, но семнадцать лет для девочки – это юность, а для плодоносящего дерева – зрелость и мудрость.

Был месяц май. Цветущие яблоневые ветки заглядывали прямо в окно, ветер пригоршнями сыпал яблоневые лепестки на мою подушку. Под яблоней маячила Мишина спина, так долго и терпеливо ждущая Лизу, что яблоневый цвет, упавший на Мишины волосы и плечи, белел даже в густых синих сумерках. Не находя себе места, Миша то садился на лавочку, то вставал, переминаясь с ноги на ногу. И все перекладывал из руки в руку большую белую коробку с тортом. Кроме одноглазого дундиковского кота Циклопа, названного в честь Мишиного коллеги-математика, во дворе не было ни одной живой души, а я, не обнаруживая присутствия, наблюдала из окна, как из запредельного далека. Не пойду же я скрашивать его ожидание, воркуя о логарифмах?

Лиза демонстративно не выходила. Обычно спокойный, Миша резко встал и пошел прочь, с силой отшвырнув в сторону коробку с дурацким, никому не нужным тортом. Торт выпал из коробки. Мишина спина стремительно удалялась. Я стрелой рванула на помощь. Только бы успеть остановить, не дать уйти в таком подавленном настроении!

Сделав вид, что вышла прогуляться на свежем воздухе, я затараторила без умолку, складывая в коробку то, что было тортом:

– Миш, привет. Ты чего мусоришь, тортами разбрасыва-

ешься, добро переводишь? На морде соперника этот тортик смотрелся бы просто потрясающе, как маска для лица! А если применить сноровку-тренировку... Да здравствует новый вид спорта – зимнее спортивное тортометание! Ты спрашиваешь, почему зимнее? Эх, учитель, твоя ученица скоро превзойдет тебя в законах физики! Лучше всего заниматься спортивным тортометанием – зимой, когда торты превращаются в мороженое и летят, как бомбообразные тарелки. Но сейчас не зима, надо есть, растает! Не дадим добру пропасть!

В ответ раздалось умиротворенное мурлыканье проныры Циклопа, который первым одобрил вкусовые качества торта и, не давая добру пропасть, всю пользовался моментом, нагло треская за милую душу все, что осталось на земле. У Миши был вид человека, получившего смертный приговор. Перескакивая с темы на тему, как горная козочка, я молла все, что приходило в голову. Не дать ему опомниться, заболтать плохое настроение!

– Лучше скажи, дорогой Михаил Маркович, имеет ли дама право наслаждаться тортом, если джентльмен, вместо того, чтобы угостить даму, зажал угощение и скормил торт одноглазому коту? У кота есть столовый прибор – язык, а как быть даме? Чем я хуже Циклопа? Имеет ли право дама слизывать крем с пальцев или ей дожидаться, пока подадут столовое серебро?

Обессиленный перееданием Циклоп, прижмуривая глаз,

урчал с раздутым животом. Белый крем поэтично смешался с яблоневыми лепестками. Мы сидели на лавочке у раскрытой коробки и, ловко орудуя пальцами, доедали остатки торта «Птичье молоко». Обалденно-вкусного, сделанного на заказ в кондитерской «Сладкоежка». С надписью «*Элизе с любовью*».

– Миша, как ты думаешь, может ли джентльмен, заботясь о санитарном состоянии, слизывать крем с пальцев дамы?

– Он имеет право слизывать его даже с ее носа! – повеселевшим голосом отвечал Миша, поглядывая краем глаза на Лизино окно.

Я подцепила пальцем розочку из белого крема. Белые лепестки яблоневого цвета с розовой серединкой смотрелись на ней, как изысканное украшение. Если бы у меня хватило смелости, я бы спросила: «А не кажется ли тебе, что это выглядит, как любовные безумства?» А вдруг бы он ответил: «Они самые и есть, а что же это еще?»

Он ничего бы не ответил, а я ничего не сказала. Что может сказать зеленый влюбленный подорожник, которому с детства вбивали в голову, что скромность красит человека? Порывы скромного подорожника, способного излечить любые сердечные раны, остались незамеченными. Лишь ночные фиалки пахли так звонко и щемяще-пронзительно, будто от имени подорожника пытались сказать то, о чем он молчал.

Я очарована тобой!
Насыплю щедрою рукой
Тебе – не золото-серебро,
А всей души моей добро.
И если мимо не пройдешь,
То ты поймешь, как мир хорош!

Зарывшись по пояс в душистый влажный куст сирени, я отыскала цветок с пятью лепестками и отдала Мужчине Моей Мечты. Пусть сбудется его желание.

Я пригласила Мишу на свой день рождения. Там будет Лиза, вдруг им удастся наладить отношения?

**День рождения как экстремальное
событие. Да здравствует
ЛИНИНИЗМ! Сон в летнюю ночь,
ожог крыльев – и жемчужины,
не найденные в горстке пепла**

Кто отмечал день рождения дома, знает, какой выносливостью нужно обладать, чтобы все это благополучно пережить. По степени напряженности, ответственности и глобальности масштабов дни рождения приравниваются к стихийным бедствиям и экстремальным событиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.